

Kugelform der Erde führt) nimmt er, in deutlichem Kontrast zu Anaxagoras' Auffassung, als gegeben an, daß "sie (d. h. die Erde.—*D. L. C.*) im Vergleich mit anderen Himmelskörpern nicht groß ist" (298 a 20). Und an anderer Stelle sagt er etwas genauer, daß "astronomische Forschung nunmehr deutlich gemacht hat, daß die Erde kleiner ist als einige Himmelskörper" (*Meteor.* 339 b 7–9).

Dirk L. Couprie
Maastricht

По сообщениям Плутарха, Ипполита и Диогена Лаэртция, Анаксагор сравнивал размер Солнца с Пелопоннесом. В статье доказывається, что эта идея не безумна с точки зрения человека, считавшего Землю плоской. Располагая такими инструментами, как гномон, диоптра и клепсидра, и такими геометрическими познаниями, как свойства подобных треугольников и теорема Пифагора, Анаксагор мог произвести измерения и вычисления, позволявшие получить примерно такой результат.

ИНСЦЕНИРОВАННАЯ СОФИСТИКА В "АЛКЕСТИДЕ" ЕВРИПИДА (*Alc.* 509 sqq., 1008 sqq.)

Нас будут занимать сцены мистификации в "Алкестиде",¹ в особенности первая, когда Адмет вводит в заблуждение Геракла.

§ 1. Траур и гостеприимство

Великодушная жена умерла вместо своего мужа. Признаки приближающейся смерти (ст. 77 сл., 133 сл.) были ощутимы давно; постепенно они становились все отчетливее;² после ст. 422 слл. готовятся похороны. Адмет дает прямые распоряжения о трауре, *πένθος*: от всех домашних ожидаются соответствующая *стрижка* и *черные одежды*; ст. 512 и 536 слл. показывают, что сам Адмет уже в трауре. Навстречу Гераклу, который рассказывает Хору о том, как он оказался близ дома своего старого друга по дороге на новый подвиг (кони Диомеда), выходит Адмет, одетый так, как положено скорбящему. Скорбь Адмета нестерпимо сильна,³ однако такой друг, как Геракл, не должен и сегодня остаться без дружеского крова — таково

¹ Ссылки на текст "Алкестиды" даются по изд.: *Euripidis Alcestis*, ed. A. Garzya (Lipsiae 1980), причем иногда решения издателя приходится оспаривать. Издание схолиев — Э. Шварца: *Scholia in Euripidem*. Coll., ges., ed. E. Schwartz, II (Berolini 1891). Наряду со старыми комментариями к пьесе, автор в процессе последнего редактирования мог воспользоваться новым, обстоятельно комментированным изданием: *Euripides. Alcestis. With intr. and comm.* by L. P. E. Parker (Oxford 2007).

² *Alc.* 818 сл. драматически столь выразительны, что их ни в коем случае не следует убирать (ср. ниже прим. 27): они свидетельствуют о том, что распоряжение Адмета о трауре приведено, как и следовало ожидать, в исполнение. Геракл, конечно, не мог не видеть этого сразу, в чем его и обвиняет слуга Адмета дома (751 сл., 754); сам герой признает это в ст. 826 сл. (ср. 923, но и 512!). Указание ст. 98 слл., что *χέρνιψ πηγαῖος* у входа в дом Адмета еще не стоит, следует, нам кажется, понять в том смысле, что затем, по смерти Алкестиды, таковой сразу являлся взору зрителя. Эта косвенная *поэтизация*, указывающая на сценические манипуляции с реквизитом, повышала выразительность обоих диалогов Адмета и Геракла; ср. последовательность поэта в отношении *χαίτη τομαῖος* в ст. 101 сл., 215 слл. и 425, с одной стороны, и 512, 818 сл., с другой.

³ Вопрос об эгоизме Адмета стал предметом обширной полемики, образчики которой собраны в томе: *Twentieth Century Interpretations of Euripides'*

баснословное гостеприимство Адмета, веками воспеваемое в дружеских пирах эллинов: Аристофан (*Vesp.* 1239) и Афиней (XV, 695 с) равно цитируют знаменитый сколий: Ἄδμητον λόγον ... μαθὼν τοὺς ἀγαθοὺς φίλει. Категорический императив гостеприимства упомянут и в прологе (ст. 6 слл.) как залог дружбы Аполлона к Адмету и его дому. Помнит зритель и пророческое слово Аполлона (ст. 65–69): Геракл вырвет Алкестиду из рук Смерти.

Все знают, что Алкестиды будет спасена и почему это так; не знают лишь того, *как* это произойдет в настоящей пьесе. Задача Адмета: не занимать героического друга, несмотря на скорбь и очевидные признаки траура, тяжелой домашней бедой. Понятна зрителю и задача драматурга: примирить это противоречие и справиться с драматичным внутренним конфликтом. Ведь осознав беду в доме друга, Геракл *не останется* передохнуть перед

Alkestis: A Collection of Critical Essays. Ed. by J. R. Wilson (Englewood Cliffs, N. J. 1968). Повод к этой затянувшейся и далеко заходящей дискуссии дал сам Еврипид, введший опасный мотив Адметова эгоизма в сцене перебранки сына с отцом (629 слл.). Между тем, как справедливо отмечалось исследователями аттической трагедии, мотивы агонев бывают весьма безразличны к остальному действию и к индивидуальности персонажей. Алкестиды жертвует собой добровольно; с приближением рокового часа и она, и Адмет все больше осознают ужас события и ответственность за принятое вместе решение. Правда, О. Уайльд требовал запретить самопожертвование законом как источник аморализма для тех, кто жертву принимает; подвести под запрет великодушные вообще – и в доме Адмета все стало бы проще, а в мире – беднее. Но греки этого не хотели, и Алкестиды оставалась идеалом жены (напр., Plat. *Symp.* 179 b–d в греческих надгробных эпиграммах; ср. *GVI* 2005, 60). Взвешенное мнение А. Лески, занимавшегося и этой стороной “Алкестиды”, отреферировано им самим (А. Lesky. *Die tragische Dichtung der Hellenen* [Göttingen 1972] 296 f.): Еврипид не хотел уничтожить сказку; он лишь украшал ее по-своему, проблематизируя, по своему обыкновению, всех и вся. Тем не менее такие ценности, как φιλία, οἰκία, ξενία, определенно торжествуют в пьесе над всем, что для поэта не так несомненно, как они (G. Smith. *The Alkestis of Euripides. An Interpretation* // *RFIC* III [1983] 129–145). Стоит, нам кажется, отметить особо и то, что σοφία лежит, по автору “Алкестиды”, в природе людей, заслуживающих названия порядочных (*Alc.* 602 sq.). Действия таких полны высшей мудрости даже тогда, когда они *сами этого в точности не знают*, а другие упрекают их в недомыслии: 551 сл., 565, 809 и еще раз тогда, когда Адмет, почти тупо отказываясь от приведенной Гераклом “жены”, тем самым (невольно) подтверждает, что он таковой заслуживает – ст. 1093. Проведение этой дорогой Еврипиду идеи применительно к Адмету доказывает а fortiori, что каковы бы ни были проблематичные стороны в решениях героя, в целом Адмет и по его, Еврипида, замыслу – ἀγαθὸς καὶ ἔσθλός ἀνὴρ.

ожидающей его восторженными конями Диомеда, как прямо сказано в ст. 537–545 и подтверждено затем несколько раз (563 сл., 822 слл., 1010 слл.). Великодушный обман самоотвержения через преодоление скорби обязательством совершается на глазах у зрителя в ст. 509–535, к рассмотрению которых мы теперь и обратимся.⁴

Первые встревоженные, деликатно-подготовительные вопросы Геракла по поводу очевидного траура в дружественном доме дают Адмету возможность собраться с силами, чтобы скрыть, какая беда пришла в его дом. Кто-то умер (ст. 513), однако это *не* дети, *не* отец и *не* мать Адмета (ст. 509–517; cf. *Eur. Hipp.* 790 sq.). После этих подверженных риску возрастных категорий Геракл, действующий методом исключения, подходит к больному пункту: *так уж не жена ли?* В стихомифии ст. 518–535, к концу которой почти *очевидное* перестает быть таковым для Геракла, весомо каждое слово, так что приведем здесь этот пассаж полностью, используя издания А. Гарсия и Дж. Диггла вместе с важными для наших толкований текстологическими данными.

- HP. οὐ μὴν γυνή γ' ὄλωλεν Ἄλκηστις σέθεν;
 AD. διπλοῦς ἐπ' αὐτῇ μῦθος ἔστι μοι λέγειν.
 520 HP. πότερα θανούσης εἶπας ἢ ζώσης ἔτι;
 AD. ἔστιν τε κοῦκέτ' ἔστιν, ἀλγύνει δ' ἐμέ.
 HP. οὐδέν τι μᾶλλον οἶδ' ἄσημα γὰρ λέγεις.
 AD. οὐκ οἶσθα μοίρας ἧς τυχεῖν αὐτὴν χρεῶν;
 HP. οἶδ', ἀντὶ σοῦ γε κατθανεῖν ὑφειμένην.
 525 AD. πῶς οὖν ἔτ' ἔστιν, εἶπερ ἦνεσεν τάδε;
 HP. ἦ, μὴ πρόκλαι' ἄκοιτιν, ἐς τόδ' ἀναβαλοῦ.
 AD. τέθνηχ' ὁ μέλλων, κοῦκέτ' ἔσθ' ὁ κατθανών.
 HP. χωρὶς τό τ' εἶναι καὶ τὸ μὴ νομίζεται.
 AD. σὺ τῆδε κρίνεις, Ἡράκλεις, κείνη δ' ἐγώ.
 530 HP. τί δῆτα κλαίεις; τίς φίλων ὁ κατθανών;
 AD. γυνή· γυναικὸς ἀρτίως μεμνήμεθα.
 HP. ὀθνεῖος ἢ σοὶ συγγενῆς γεγῶσά τις;
 AD. ὀθνεῖος, ἄλλως δ' ἦν ἀναγκαῖα δόμοις.

⁴ Место этой сцены в пьесе, понимаемой как глубинно-структурное целое, анализирует Г. А. Зеек (G. A. Seeck. *Unaristotelische Untersuchungen zu Euripides. Ein motivanalytischer Kommentar zur 'Alkestis'* [Heidelberg 1985] 127–132). Ближние задачи позже решал и П. Ример (P. Riemer. *Die Alkestis des Euripides. Untersuchungen zur tragischen Form* [Frankfurt/Main 1989] 29–34), который внимательно разбирает мотив гостеприимства и зримое присутствие Адметова дома.

521 δ' ἐμέ Murray, τ' ἐμέ Π, τε με Α, δέ με BOV, quod in textum recepit Diggle

526 τόδ' codd. τότ' Wakefield, quem sequuntur Garzya, Diggle; ἀναβαλοῦ codd., ἀμβαλοῦ Nauck, quod edd. plerumque placuit

527 τέθνηχ' ὁ BOV et Triclinius, τέθνηκεν LP; κοῦκέτ' ἔσθ' ὁ καθανών BOV; χάθανών οὐκ ἔστ' ἔτι L, καὶ ὁ θανών οὐκέτ' ἔστιν P; κάθθαδ' ὦν οὐκ ἔστ' ἔτι Jackson, cuius coniecturam in textum recepit Diggle

530 φίλων BOV et L m: ἦν L, οὖν P

Адмет не считает возможным сказать гостю правду о смерти жены, но не может позволить себе отрицать ее жертвенную смерть и, став на путь прямого обмана, заявить, что смерть, признаки которой видны всякому, касается какого-нибудь второстепенного лица, а Алкестида жива. Прямая ложь – пусть даже конвенциональная ложь в интересах дружества – была бы в устах Адмета непристойна, раз сам он жив единственно потому, что жена его и обещала умереть за него, и выполнила свое обещание. Грубая ложь оскорбляла бы жертву Алкестиды. Афинский зритель ко времени постановки “Алкестиды” в 438 г. до н. э. знал Еврипида без малого двадцать лет; в “Пелиадах” 455 г. – первом выступлении Еврипида на аттической сцене – Алкестида должна была по меньшей мере упоминаться как одна из Пелиад. И всему театру было понятно, что уж Еврипид-то ни за что не станет упрощать свою задачу и каким-нибудь образом в разговоре Адмета с Гераклом умудрится примирить горе вдовца с великодушным гостеприимцем. Геракл после разговора с Адметом приходит к убеждению, что Алкестида жива. Как это произошло?

Ст. 519 являет первый ход в этой игре – про Алкестиду, оказывается, можно говорить двояко. Факта смерти Адмет а limine не отрицает, однако придает беседе некий аналитический тон. Геракл заботливый друг и хотел бы большей определенности. Он ведет расспросы осторожно, вдумчиво и настойчиво. Приятель как будто философствует? Тогда надо поставить вопрос так, чтобы неопределенность исключалась (ст. 520): ты о ней о мертвой или о живой сказал это? И вот на этот сокрушительный вопрос в духе ἄφικτα ἐρωτᾶν⁵ является ответ: “Она есть и ее нет, только огорчает она меня”. В этих

⁵ ἄφικτοι λόγοι Arsph. Equ. 757, cf. Nub. 1047; ἄφικτον ἐρώτημα Plat. Theaet. 165 b; ἄφικτα ἐρωτᾶν Plat. Euthyd. 276 e.

словах еще определеннее, чем в первом ответе Адмета, виден некий маневр и стратегия, которую уже стремится уловить зритель. Факт смерти признан; более того, кроме признания (οὐκ ἔστι), тут и эмоциональное следствие – чувство скорби (ἀλγύνει δ' ἐμέ).⁶ Одновременно утверждается, однако, и существование Алкестиды (ἔστι). Такой ответ снова, конечно, не удовлетворяет Геракла (ст. 522), отказывающегося понимать диалектическое утверждение в ответ на жизненно важный вопрос. Впрочем, ответ Адмета затрудняет и толкователей, объясняющих его ἔστι по-разному.

Действительно, уйти от того, что существование Алкестиды высказыванием Адмета в ст. 521 утверждается, ссылаясь на (нередкий у греков) полярный способ выражения,⁷ неоправданно. Ведь именно полярность утверждений в высказывании Адмета находится в центре внимания зрителей, составляет главную заботу автора и не проходит незамеченной для Геракла, отказывающегося постичь утверждение Адмета. Поэтому можно понять тех, кто, как Э. Дейл,⁸ склоняется к такому решению: говоря, что Алкестида ἔστι, Адмет подразумевает ее тело, покуда еще не захороненное; для публики прелесть того же опасного для правдивости Адмета ἔστι в этом случае состояла, будто бы, в том, что Алкестида, как заранее известно зрителям, умерла неизбежно: “в этом смысле μῦθος о ней действительно был двояким”, объясняет Дейл,⁹ а до нее – Л. Вебер.¹⁰

⁶ В ст. 521 для нас любопытнее вариантов δέ με (часть рукописей) или δ' ἐμέ (Murray) структура и интонация этого утверждения, напоминающего отчасти ст. 1093 (αἰνῶ μὲν αἰνῶ, μωρίαν δ' ὀφλισκάνεις) или ст. 1017 сл.; еще определеннее сходство Alc. 521 с Bacch. 1327, IA 650. Создается ощущение, что общая для этих мест форма высказывания переносила вес утверждения на вторую часть фразы, а как раз это и нужно Адмету в ст. 521: ведь траур отрицать невозможно, а сочетание ἔστι κοῦκέτ' ἔστι опасно разглядывать чересчур пристально.

⁷ К так наз. polare Ausdrucksweise см.: Schwyzer GrG II, S. 704, d (с лит.).

⁸ Euripides. *Alkestis*. Ed. with comm. by A. M. Dale (Oxford 1954).

⁹ Примечательно, что ст. 519 дает διπλοῦς μῦθος, а не λόγος – говорящий подчеркивает (пока) затруднение *формулировки*, а не апорию мысли. Отметим, что ст. 141–143 уже готовили – словно примеряли – к умирающей диалектическую формулу; тогда ζῆν (εἶναι) отвечало положению вещей в действительном времени, а θανεῖν вводило тривиальное предвосхищение неминуемого, по существу уже наступающего события (ср. 352: οὐκ ἔχων ἔχειν).

¹⁰ Толкование ἔστι в смысле указания на незахороненное еще тело выдвигал Л. Вебер, которому приходилось спорить с схолием к разбираемому стиху (Euripides. *Alkestis*. Erklärt von L. Weber [Leipzig–Berlin 1930] ad loc.). Необходимо признать, что точное определение момента смерти человека составляет проблему. Различая естественную и социальную смерть, последнюю предлагают считать наступившей в момент прекращения функционирования мозга (S. C. Humphreys. *The Family, Women and Death. Comparative Studies*

греческого зрителя мысль, будто об умершем можно говорить, что он “ест”, откуда тело его находится в доме, а погребальные обряды не завершены? Конечно, состояние это переходное, и язык бывает в этой ситуации то неповоротлив, то лукав; психологически, к тому же, пока тело покойного в доме, его присутствие бывает осязаемее, чем жизнь здравствующих домочадцев. Тем не менее представляется, что в ответе на вопрос, жива или мертва Алкестида, ἔστι не должно подразумевать ее незахороненное тело, так как это шло бы вразрез с (естественными) представлениями и высказываниями героев той же “Алкестиды”.

Говоря о близкой кончине, Алкестида незадолго до своего конца прямо заявляет, что завтра она “будет не существующей” (ст. 320 слл.: ἐν τοῖς οὐκέτ’ οὔσι λέξομαι). Сама Алкестида, следовательно, ни в коем случае не сказала бы о себе в момент разговора Геракла и Адмета, что она “ест”. Также и в ст. 141 (καὶ ζῶσαν εἶπεῖν καὶ θανοῦσαν ἔστι σοί), который словно готовит анализируемый нами ст. 521, она называется живой, поскольку еще жива, но и мертвой, ибо *смерть ее предрешена*.¹¹ Момент смерти обозначен в тексте ясно в ст. 392, когда после последнего χαῖρε Алкестиды Хор свидетельствует: βέβηκεν, οὐκέτ’ ἔστιν Ἀδμήτου γυνή.

Что касается версии о мотивировке ἔστι в духе трагической иронии светлого тона (Алкестида жива, ибо оживет), то Адмет этого знать не может и, главное, не должен; бывает ирония “на публику”, но нужна мотивированность и для говорящего. Подвиг Геракла будет состоять в том, что он вырвет Алкестиду из рук Таната, так что он скорее воскресит ее, чем оградит от

[London 1983] 148–150). Было бы странно, однако, если бы люди, хотя бы и “древние”, не отличали смерть от похорон. И неудивительно, что словоупотребление “Алкестиды” находится в прямом противоречии с идеей Вебера. Правда, умирающая Алкестида иногда называется уже (и) мертвой (141 слл. в ответ на альтернативу ст. 139 сл.; 270 сл., 390 сл. против 205 сл., 235 сл., 280 сл.); однако только что скончавшаяся (ст. 392) героиня нигде кроме ст. 521 не называется живой (393 сл., 404, 414 сл., 419, 422 слл., 454 etc.). Непохороненный покойник охарактеризован в ст. 93 сл. как οὐ φροῦδος ἐξ οἴκων νέκυσ или νέκυσ ἀρτιθανής в ст. 599–600. Манера иногда говорить о покойном как о живом, обращаться к нему, называть бранные останки именем покойного и даже почти отождествлять их с личностью умершего распространена в различных культурах и имеет множество причин. Знаменитый случай – Ном. II. I, 3 sq. (ψυχὰς ... αὐτοῦς δέ ...), из чего, конечно, нельзя делать далеко идущих выводов о гомеровской особой психологии, так же как из известной *эпитафии* “Здесь лежит Суворов” неправильно было бы выводить, что Державин (вдохновляясь, видимо, Эннием) отождествлял полководца с телесным обликом последнего. Ср. σῶμα τόδε из ст. 636, равносильное ἀνὴρ ὄδε в ст. 690, причем всякому, кто знаком с аттическим словоупотреблением, ясно, что этим выражением указывают на физическое *присутствие человека*, или на *человека в его телесном облике*.

¹¹ Если бы предвосхищение будущего не практиковалось в житейском обиходе, форма 1-го л. perf. act. τέθνηκα вообще не должна была бы употребляться. Между тем это не так: ср. Eur. *El.* 687, *Hec.* 431.

смерти.¹² Иначе говоря, даже если ἔστι в ст. 521 способно служить предвосхищающим намеком, не видно, на каком основании это мог бы утверждать Адмет.

Не представляется возможным объяснить диалектическое высказывание Адмета и в обобщенно-философском смысле: “и есть, и нет” потому применены к Алкестиде, что по-гераклитовски применимы ко всему существующему вообще¹³ – контекст не приготовил зрителя к столь специфически философскому подходу, который и вообще неуместен на трагической сцене. Не удовлетворяет и психологически-фигуральное объяснение: Алкестида жива постольку, поскольку только благодаря ее жертве среди живых остается ее муж. Вообще говоря, такое решение мыслимо (*GVI Peek* 795; 1287: οὐκ ἔθανέν γε θανάων); в “Алкестиде” к тому же неоднократно говорится, что Адмет не только жив благодаря Алкестиде, но и живет ею (273 сл.); она заменяет ему и родителей (645 сл., 666 сл.), а сам он становится теперь не отцом только, но и матерью своих детей-сирот (377). Тем не менее идеи, что Алкестида после смерти жива в живущем как бы вместо нее муже (легенды и песни, ст. 445 слл., 993 – не в счет), в тексте пьесы не находим нигде, а потому угадывать за ἔστι ст. 521 эту идею вряд ли правомерно.¹⁴

Точно так же не разработана и следующая возможность ухода от дихотомического вопроса Геракла: ее нет, но она, т. е. ее труп, здесь (зловещая мистификация относительно трупа у Софокла, *El.* 1472 слл.: τοῦ κατ’ οἴκον ... Κλυταίμνηστρα; – αὐτὴ πέλας σοῦ – не в счет: не зря подобрано выражение “с тобою рядом”). Или под ἔστι подразумевается бессмертие души и доблести, как высказывался (*Anth. Pal.* VII 251) Симонид, утверждая: οὐδὲ τεθνᾶσι θανόντες? Но и на этот лад ничто в пьесе не настраивает – смерть мыслится в пьесе во всей своей мощи и полноте по крайней мере до борьбы Геракла с Танатом.

Подытоживая, следует сказать, что все приведенные толкования ἔστι в ст. 521, исходящие из законного желания оправдать утвердительную часть высказывания Адмета, раз уж и он, и его творец Еврипид, вообще говоря, не ищут легких путей, оказываются натянутыми. Необходимо признать, что Ад-

¹² Воскресение или, сказать осторожнее, возвращение Алкестиды предполагается заранее известным зрителю, однако Еврипид не забыл предупредить об ожидаемом чуде прямо (*Alc.* 65 sqq.), а по ходу действия многократно намекать на него либо отрицательным образом (122 слл.: Асклепий наказан за такие попытки; 357 слл., 799, 985 сл.), либо положительным (604 сл., 666 слл., 837 слл.), либо – и так чаще всего – волнующе-неопределенным (205 слл., 414 сл., 418 слл., 455 слл., 782 сл., 870 сл., 876 сл., 892 сл., 930 слл.). Что касается подробностей погребения и освобождения “из рук” Смерти, то тут у Еврипида нет ясности, какая и вообще вряд ли возможна при обработке подобного сюжета.

¹³ О “диалектических” формулировках, когда нечто одновременно и утверждается, и отрицается, см. ниже прим. 35.

¹⁴ Примеры на различные вариации темы “покойный жив” собраны А. И. Доватуром в изданных нами “Материалах для индекса к *GVI (Peek)*” // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* (СПб. 1992) 218.

мет своим ἔστι прибегает к обманной подпорке в той комбинации, которую ниже нам предстоит разобрать подробнее. Означает ли это, что Еврипид как драматург проиграл то состязание изощренного благородства со здравым смыслом, которое сам же затеял?

Нам думается, что ἔστι – ложь, притом ложь грубая, но не позорная. Во-первых, каждый хороший лжец (т. е. всякий, кто понимает, что не нужно, опасно и, наконец, скучно, обманывая, говорить ложь, всю ложь и только ложь) знает, что даже при великом искусстве внушать другим ложные мысли достичь здесь успеха с помощью одних правдивых высказываний удастся все-таки редко.¹⁵ Во-вторых, цель Адмета благородна. В-третьих, задача его трудна; наконец, и это, пожалуй, главное, – наличие лживой подпорки в виде ἔστι *затмевается* отчаянно прямым и, как мы уже отмечали, как бы сдвоенным признанием смерти Алкестиды в том же ст. 521: οὐκ ἔστι и ἀλύγναι. Смелость этого признания Адмета заставляет зрителя забыть о первой части ответа: теперь-то Геракл узнаёт, почему траур в доме и откуда печаль хозяина. Задача великодушной мистификации гостя, а вместе дальнейшее спасительное развитие сюжета теперь, кажется, неосуществимы.

§ 2. Трюк Адмета

Между тем именно начиная со ст. 522 Геракл все больше признает свою растерянность, а Адмет переходит в наступление – теперь вопросы задает он. Уже в его тоне слышна растущая, хотя пока загадочная для зрителя уверенность в себе. – *Да знаешь ли ты судьбу, которая ей суждена? – Что она, то есть, обещала вместо тебя умереть? Конечно, знаю. – Ну как же она жива, на такое согласившись? На это следует ответ Геракла: – О, не оплакивай супругу наперед, отложи пока.*

Ясно, что в ст. 526 Геракл советует не упреждать событий, тем более печальных. Некоторые издатели пробовали в рукописном ἔς

¹⁵ Нельзя, таким образом, не согласиться с Г. А. Зееком, что в ст. 521 Адмет допускает не только двусмысленное, но и прямо ложное высказывание: см. Зеек (прим. 4) 127 слл. Об отношении к лжи в ее существенных разновидностях см. сборник: *Die Lüge*. Hrsg. von O. Lipmann und P. Plaut (Leipzig 1927). Трагедия давно использовала сцены обмана, которые увлекали греческого зрителя своей интеллектуальной динамикой и были использованы трагиками для разработки такого сложного мотива, как (трагическое) незнание. О таких сценах у Еврипида см. подборку и анализ в работе: S. Jäkel. Wahrheit und Trug in den Dramen des Euripides // *Arctos* 11 (1977) 15–40.

τοῦε видеть желательное для них ‘до тех пор’ (так А. Веиль, Л. Вебер) или толковать это словосочетание как ‘на потом, auf später’.¹⁶ Однако против этого мнения, хотя оно высказано и у Kühner-Gerth I, 646, давно существует не лишенное справедливости соображение: такого смысла от ἔς τότε ожидать трудно, потому что оно означает скорее ближайшее настоящее, чем дальнейшее будущее. Поэтому ради получения футурального смысла появились попытки вместо τότε читать τότε. Эту конъектуру поддерживали Ельмслей и А. Наук, читавший ἔς τότε ἄμβραλοῦ, что принято и в изд. Диггла. Между тем весьма распространенная апокопа в двусложном предлоге хоть и обязательна здесь для метра, но это еще не означает, будто она регулярно отражалась в орфографии классического времени (ср. *El.* 1299: καλφθιμένης Elmsley, καταφθιμένης L, где соотношение такое же). Давать эту облегчающую скандирование ямбического trimetra орфографию в современных изданиях, наверное, не обязательно; иначе говоря, несмотря на сочувствие Дэйл и других издателей, чтение Наука ἄμβραλοῦ стоит принимать разве что наполовину – как подсказку к скандированию стиха. Что касается поправки τότε, то ее (*pace Diggle*) надо решительно отвергнуть. Ведь ἔς τότε означает “на сей час, в настоящий момент, пока” – ср. в более полной форме ἔς τόδ’ ἡμᾶρ Aesch. *Sept.* 21, или εἰς τὴν παροῦσαν ἡμέραν Eur. *Phoen.* 1197, или любопытное ἔς τόδ’ ἡμέρας в *Alc.* 9. А это значит, что ἔς τότε прекрасно встраивается в смысл: “это пока что отложи” (ср. οὐκ εἰς ἄμβρολᾶς *Hel.* 1297, *Heracl.* 270); ἔς τότε в *Alc.* 526, иначе говоря, равносильно громоздкому, но излюбленному у Еврипида εἰς παρόντα (или τὸν ὄντα) νῦν χρόνον. Что касается εἰς τότε, то приписываемое этому сочетанию значение у Еврипида выражалось через εἰς ὑστερον (*IA* 720) или εἰς ἄλλας ὥρας (*IA* 122); ср. ἔς ὀπίσ(σ)ω, μέχρι τότε у других авторов. Смысл ‘пока что’ у рукописного ἔς τότε в языковом отношении обычнее, а по ходу диалога – выразительнее. Ведь в ст. 513 прямо сказано, что Адмет хоронит *сегодня* (ἐν τῇδ’ ἡμέρᾳ).

Итак, в ст. 526, как показывают и слова μὴ πρόκλατε, мысль Геракла, благодаря трюку Адмета, отведена от неминуемых, казалось

¹⁶ H. Hommel. Euripides und der Tod. Ein Chorlied des Dichters auf einer Inschrift aus Ostia // *Epigraphica* 19 (1957) 136–164 = Euripides, *WdF* 89 (1968) 124 ff. = H. Hommel. Euripides in Ostia // *Symbola* (Hildesheim – New York I, 1976) 117 ff., 158 Anm. 153.

бы, выводов. “Выходит, до сих пор (εἰς τοῦδε) – размышляет Геракл. А что великий герой и вообще предлагает жить настоящим, не терзая себя излишними заботами о будущем или обязательствами из прошлого, это он сам расскажет чуть позже (*Alc.* 782 sqq.). Стих 526 является поворотным в разбираемом отрывке, ибо здесь ярко показано соотношение простой истины (сегодняшнее положение в доме Адмета) и усилий познания (напряженные расспросы Геракла). В самом деле, Адмет не только уже не утаивает смерти своей жены, но прямо-таки настаивает на этом. Между тем собеседник, дружественный и пытающийся понять происходящее, на глазах у зрителя все дальше отходит от понимания простых и существенных фактов.

Дэйл говорила о “слабом объяснении” Адмета в стт. 525 и 527, “справедливо отвергаемом в ст. 528”.¹⁷ На наш взгляд, напротив: в плане интеллектуальной изощренности искусство Еврипида является здесь в полной силе. Обманная подпорка, что Алкестида-де “и жива”, уже ушла на второй план, ибо превзойдена прямым признанием ее смерти, которое, однако, не производит того действия, которого следовало бы ожидать. Геракл сбит с толку. Почему? Потому что ему дана в ст. 519 и 521 некая умозрительная основа: дело оказалось нечувствительно переведено в область умозрения, к которому Геракл (ст. 779 слл. дает эпикурейский мотив *ante nomen*) весьма мало склонен.¹⁸ Между тем в ст. 523–525 философская коллея развивается дальше. Софистическая подстановка, *surreptio* или

¹⁷ Dale, *Alcestis*, ad loc.

¹⁸ Геракл “Алкестиды”, несмотря на типизацию в его облике – и образе – силача-жизнелюба, благороден, а значит – чтит благородство в других. Что автор не хотел в сцене первой мистификации представить его умственно ограниченным, не только ожидается из общих его представлений о герое на трагической сцене (мужская глупость непоэтична), но и прямо видно по второй мистификации, где интеллектуальное господство (опять благодаря преимуществу в знании) выпадает, наоборот, на долю Геракла. Весьма поучительно и то, как Геракл сумел проанализировать свою ошибку: от поспешного ἐψεῦσαστο (ст. 808) он поднимается до понимания роли умолчания истины: ст. 812, οὐκ ἔφραζε; ст. 832 τὸ μὴ φράσαι, ср. ст. 857 ἔκρυστε, что в ст. 1038 признает сам Адмет. Иначе говоря, Геракл выявляет умолчание как важнейший элемент развитой техники обмана, а этим дорожит сам Еврипид, в чем можно убедиться на большинстве софистических μῆχαναί (*Hel.* 1625, cf. 1023; *Ion* 1566, cf. A. Gavrilov. *Der Spruch Apollons im Ion des Euripides // Hyperboreus* 8 (2002): 1, 66). Против “глупости” Геракла справедливо возражение Г. А. Зека (прим. 4) 130 сл.

suggestio falsi состоит в том, что правда факта представлена как вывод из теоретических положений: да, Алкестида умерла, умерла хотя бы в том смысле, что долженствующее наступить (смерть жены вместо Адмета) следует считать уже наступившим. *Неприемлемы для собеседника послышки такого утверждения – так он отбросит и то, что было подано как вывод из них.* Слова μὴ πρὸκλαίε, где про- следует понимать не в стертом, а в прегнантном (именно временном) смысле,¹⁹ выражают несогласие Геракла с Адметом в том будто невзначай возникшем философском дискурсе, куда второй столь же незаметно, сколь искусно втянул первого.²⁰

Разобранная нами стратегема готовит к следующей паре стихов. Теперь Адмет поднимается от частного случая к общему положению, более отчетливо формулируя ту послышку, на которой держалось его предшествующее высказывание. Как бы мы ни читали ст. 527 – в форме ли, угадываемой за разночтениями LP, по другим

¹⁹ Одно из значений про- указывает на упреждение соответствующего действия. При *verba lugendi* применительно к печальным событиям, о каких часто говорит аттическая трагедия, это означает *предвосхищающую скорбь*, что расценивается либо как прозорливость перед лицом неизбежности (*Phoen.* 1520), либо как расточение сил. В этом смысле встречаем *Aesch. Agam.* 252 *πρόστένω* и *στενάζω* с *πρό* или *πρό* в *Prom.* 696. В обоих случаях имеются текстологические трудности, но и мысль, и настроение в целом ясны: не следует забегать в будущее, ожидая бед, – они придут сами. Ср. *Sen. Ep. mor.* XCVIII: *ante miseras miser* (6); *praetimere* (7); *malum suum antecedere* (8) etc. Ту же мысль находим у Софокла, *Trach.* 963; где *προῦκλαίον* соседствует с ст. 952, который в свою очередь решительно важен для сопоставления с *Alc.* 527; близкая идея сформулирована у Фукидида (*Thuc.* 2, 39): *περιγίγνεται ἡμῖν τοῖς μέλλουσιν ἀλγεῖνοις μὴ προκάμνειν*. Если похожие выражения находим впоследствии у стоиков (например, *SVF* III 94, 12: *φόβος καθὼν προσδοκῶμένων τὸ συμβαῖνον πάθος*, cf. *M. Ant.* II, 2), то это неудивительно: мотив незабоченности ни прошлым, ни будущим и сосредоточенности на настоящем был для них решительно важен. Впрочем, требование сосредоточения на настоящем было ярко разработано уже у Аристиппа (*Ael. V. H.* 14, 6).

²⁰ Втягивание партнера в спор, в обсуждение принципов и общих – часто метафизических – предпосылок видно на практике в платоновских диалогах. Было это осознано и в теории: термин ἐριστική (τέχνη) был, по всей видимости, в ходу уже во времена Протагора (*Diog. Laert.* IX, 55, где цитируется Тимон Флиунтский, опирающийся, надо думать, на словоупотребление источников V в., ср. *Plat. Soph.* 226, *Euthyd.* 272 b, *Men.* 81 a; οἱ ἐριστικοί, как альтернативное, наряду с οἱ διαλεκτικοί, название мегариков – *Diog. Laert.* II, 106. II. Ример (прим. 4, 33 сл.) ярко выражает парадоксальность ситуации: Алкестиду выносят, а того, от кого зритель ожидает ее спасения (ст. 65 слл.), заставляют пировать.

рукописям²¹ или следуя конъектуре Джэксона,²² сохраняется интересное развитие мысли, отлично понятое в схолии к ст. 521: ζῆ μὲν γὰρ, φησὶ, τῷ δὲ προσδοκᾶν αὐτὴν ἀποθανεῖν οὐκ ἔστι.²³ В более философической форме та же мысль выражена в схолии к ст. 529: σὺ λέγεις τὸ μῆπω γενόμενον οὐκ ὀφείλειν ὡς ὄν λογίσασθαι, ἐγὼ δὲ τὸ ἐσόμενον ὡς ὄν λογίζομαι. Исправления, предлагавшиеся здесь филологами, либо портят смысл,²⁴ либо с помощью остроумных изменений текста достигают в сущности того самого результата, который следует извлекать из вариантов рукописной традиции.

²¹ **L** и **P** в *Alc.* 527 явно отражают одну традицию: χ' ὅ **L** и καὶ ὁ **P** это не более чем орфографические варианты, подразумевающие – каждый на свой лад – необходимый для метра *красис*. Вот окончание стиха в **P** испорчено – по-видимому из-за графического сходства слов: οὐκ ἔστ' ἔτι (**L**) превращено в **P** в неметрическое οὐκέτ' ἔστιν. Вариант **BOV**: οὐκέτ' ἔσθ' ὁ κατθανών – означает более серьезную (по форме, не по смыслу) вариацию, принятую в текст, например, у Гарсия и послужившую основой конъектуры Джэксона (см. нашу оценку этого решения в прим. 22 и 24).

²² Собственно говоря Джэксон, считавший вариант **BOV** “явной интерполяцией” (что возможно, но не более того), предлагал два способа чтения ст. 527 на основе **LP** (J. Jackson. *Marginalia Scaenica* [Oxford 1955] 131 n. 1): (1) τέθνηχ' ὁ μέλλων κἀνθάδ' ὧν οὐκ ἔστ' ἔτι или (2) τέθνηχ' ὁ μέλλων κοῦ θανών οὐκ ἔστ' ἔτι. Диггл, как мы указывали в критическом аппарате к приведенному нами отрывку, принял в свой текст первое из предложений Джэксона. Как мы старались показать применительно к ст. 521, толика лжи Адмету была необходима, хотя и не желательна для автора; в ст. 527, под конец диспута она была бы прямым поражением драматурга. Впрочем, и первый вариант, вошедший в последний оксфордский текст пьесы, имеет серьезный недостаток (ср. ниже прим. 24).

²³ *Scholia in Euripidem* (прим. 1). Поясняя ст. 528 κεχώρισται, φησὶ, τὸ εἶναι τοῦ μηκέτ' εἶναι καὶ τοῦ ζῆν τὸ τεθνάναι, античный комментатор занят прежде всего комментируемой строкой. Между тем в комментарии к ст. 521 он по поводу стиха, начинающего софистическую партию Адмета, выразил свое понимание последней в целом. Лишь отчасти прав был Вебер (Weber [прим. 10] ad v. 521), когда называл это толкование предвосхищающим ст. 525 и ложным. Первое справедливо (хоть и не в укор Еврипиду), а второе ошибочно: привязанное схолиастом к ст. 521, т. е. к первому ходу Адмета, пояснение античным филологом стратегии обмана поражает глубиной понимания не менее, чем краткостью выражений.

²⁴ κἀνθάδ' ὧν Джэксона (см. прим. 22) – блестящая палеографически и поверхностная по смыслу поправка; впрочем, эта линия защиты (Алкестиде “здесь”) создавала бы – в случае намека на тело – зловещую и привешуюся уже амфиболию (ср. кроме уже приведенного *Soph. El.* 1473 sq.; почти то же у Еврипида *El.* 1120: ἐν γὰρ τοῖς ἐμοῖς ναίει δόμοις), вряд ли здесь уместную, тем более что этим разрушалась бы та тональность философского рассужде-

Смысл ст. 529, как он раскрывается Гераклу, таков: Адмет в трауре, ибо *считает*, что кому должно²⁵ умереть, тот уже умер, а умершего – нет; в этом смысле нет уже и его Алкестиды. Этой философией, а не констатацией факта обосновывается теперь опасное признание Адмета в ст. 521 (οὐκ ἔστι). То, что формулировка ст. 527 проведена в мужском роде, подтверждает авторитетную общность высказывания, не становясь помехой для отнесения к Алкестиде: мужской род должен восприниматься здесь как *genus commune*,²⁶ что вполне обычно вообще и многократно засвидетельствовано в “Алкестиде” применительно к той же героине. Непосредственно это можно наблюдать в ст. 141, 197, 635, 716, 740, а опосредованно – ст. 381, 819 слл.,²⁷ 1081; видно это и сразу после

ния и будто бы *логического* вывода, которая старательно создана в этом куске и засвидетельствована в любом из рукописных вариантов присутствием καὶ ὁ (κατ)θανών во второй половине ст. 527. Через *логическое* καὶ Адмет подводит к победному концу обоснование своего утверждения οὐκ ἔστι из ст. 521.

²⁵ Выбор слова χρεών в ст. 522 весьма искусен; ведь скажи Адмет (ἐ)χρηῖν, это соответствовало бы фактам еще лучше, но способно было бы наводить на мысль, что смерть Алкестиды случилась на деле (ср. χρηῖν в *Alc.* 633, 686, 709). Между тем χρεών, по смыслу близкое к χρηί (*Alc.* 27, 523, 799, интересно перекликающиеся с ст. 619 и 1092; 1105), дает вариант в чуть более высоком стиле, а главное – уводит от определенных представлений о времени, приближаясь к понятиям, вроде θέμις, μοῖρα et sim., где фактор времени имеет второстепенное значение.

²⁶ Посмотрим, как употребляются в отношении к полу соответствующих лиц слова νέκυς, νεκρός, (ὁ) (κατ)θανών. (a) νέκυς ‘тело (покойника)’ к полу нейтрально: *Soph. Ant.* 467: μητρὸς ... νέκυν; *Alc.* 599, 607, 1012 (*Alc.* 94 относится сюда же: его можно – *pace* Garzya – сохранять, не делая, может быть, паузы после οἴκων). (b) νεκρός – изменяемое прилагательное, masc. которого постоянно употребляется в смысле общего рода; νεκρός отнесено к Алкестиде в ст. 43, 422, 635, 716, 729, 740, ср. 810; cf. *Tro.* 448; 626 sq.; особенно разительно в интересующем нас отношении *Hipp.* 905 sq.: σὴν δάμαρθ' ὄρω, πάτερ, νεκρόν. Что касается (c) причастий от (κατ)θνήσκω, то они чувствительнее реагируют на пол умершего, употреблены ли они предикативно (*Alc.* 141, 150, 191, 329, 453, 520, ср. 232) или субстантивированы артиклем (*Alc.* 609, 840, 919, 1055, 1060, 1091); тем не менее и (ὁ) (κατ)θανών, подобно νέκυς и νεκρός, с легкостью воспринимается в духе *genus commune*, как показывают приводимые у нас примеры; так же и plur. masc. подспудно, кажется, намекает на покойную в ст. 541 и 1076.

²⁷ Ст. 818 сл. исключать из текста не следует, хотя и Гарсия, и Диггл делают это так же, как когда-то Квичала. Основанием служило замечание схолиаста к ст. 820, по которому “этих трех стихов в некоторых рукописях нет”, что было применено к 818 сл., тем более что 819 в **V** написан в две отдельные строчки. Обстоятельством, послужившим толчком к этим перебоям, является,

разбираемого нами места, в ст. 530 сл., где γωνή служит раскрытию о κατθανών, а не поправке к формулировке Геракла. Разумеется, сказанное нами относительно ὁ (κατ)θανών относится и к выражению ὁ μέλλων.²⁸

надо думать, нарушение строгой стихомифии в ст. 818. К тому же, делая свое замечание о трех стихах к ст. 820, схолиаст скорее всего имел в виду редакцию, в которой отсутствовали ст. 818–820, а 821 примыкал как продолжение реплики слуги к ст. 817, т. е. строгость стихомифии была опять-таки нарушена с потерей психологически важной в этом пассаже ретардации. Поэтому, признав, что стихи 818–819 весьма уместны, а отсутствие их нарушало бы выразительность диалога, следует скорее признать, что стихомифия была нарушена (или, вернее, обогащена) самим автором, поделившим 819 пополам между говорящими. Такая практика у Еврипида встречается. Оставаясь в пределах “Алкестида” и оставляя в стороне то, что случается до и после обширной и в основном последовательно-строгой стихомифии ст. 1077–1132, обратим внимание на ст. 1119–1125, где каждый из партнеров вдруг (но не случайно, а на волне чувства) получает по три стиха, а стих 1119 поделен даже на три части.

²⁸ Семантика греческого μέλλω специфична, ибо ‘намереваться’ раскрывается то как ‘(только) собираться, не делая’, т. е. *медлить* (так в *Alc.* 254), либо ‘не делать, но уже собираться’ т. е. предвосхищать действие намерением. Грамматикализовано было именно второе значение, или, если можно так сказать, “объективная” сторона семантики этого глагола (так *Alc.* 513, 1106). Ср. русск. ‘быть должным’: 1. быть в долгу; 2. долженствовать. Грамматическое употребление μέλλειν в экспрессивных парафразах будущего времени (ὁ μέλλων χρόνος – так *IA* 865, fr. 1028 N² или τὸ μέλλον *Eug. Hec.* 761, *Vacch.* 301 etc.), которым занимались русские ученые, подробно описано в исследовании: L. Basset. *Les emplois périphrastiques du verbe grec μέλλειν* (Lyon 1979). Для нашего анализа существенно, впрочем, другое: ὁ μέλλων в ст. 527 употреблено, как и ὁ (κατ)θανών, в общем роде, который особенно подходит для общего правила (смысл, подсказываемый Адметом Гераклу), а вместе и к умершей Алкесте (смысл, предназначенный им же для себя в память о покойной). Со словами, обозначающими умирание, μέλλω, в связи с временными рамками человеческой жизни, связывается настойчиво. Например, на орфической табличке из Вибо, найденной в 1969 году, читается μέλλεῖσι θανεῖσθαι (*RFIC* 113 [1985] 386; ср. *Eug. El.* 17). Еще важнее, что в *Alc.* 50 Аполлон определяет границы законных действий Таната как τοῖς μέλλουσι θάνατον ἐμβαλεῖν (ср. *Eug.* fr. 115, 3 N²), где, конечно, при μέλλουσι мыслится извлекаемое из последующего существительного и требуемое контекстом θανεῖν. Именно такой синтаксис предполагается в ст. 527: Ρ μέλλων (scil. θανεῖν) τέθνηκε. И если в ст. 50 Гарсия склонялся к тому, чтобы принять поправку ἀμβαλεῖν, а Диггли принимает ее в текст, то это вызывает недоумение: функция Смерти была бы определена нереалистически гуманно, а ответная реплика Таната в духе *ipse dicis* – непонятна. Напротив, ἐμβαλεῖν, засвидетельствованное и в схолиях, оказывается уместным, если поймем, что одно дело забирать тех, кто уже обречен, – тут ничего не поделаешь, а другое – κτείνειν по усмотрению

Отстаиваемый нами смысл не только естественно вытекает из текста самого ст. 527, как он намечен предыдущим ходом беседы, и в особенности – предыдущей парой стихов, но и вообще заранее подготовлен спорадическими высказываниями по ходу пьесы, особенно ст. 136 слл., где к умирающей Алкестиде уже примерена парадоксально-диалектическая формулировка (ст. 141–143), будто она и жива, и мертва. Утверждение о смерти Алкестиды (θανοῦσαν в ст. 141) подразумевает тот самый ход мысли, который пущен в ход Адметом ради мистификации гостя. Уже в ст. 143 (“она уже клонится долу и отходит”) Служанка намеком раскрывает смысл своего “диалектического” утверждения: *кто вот-вот умрет, тот собственно мертв*. Вслед за схолиастом мы, таким образом, не привносим этот смысл в диспут Геракла и Адмета, а следуем, как кажется, мыслям и воле поэта.

Мотив отношения наступающих и(ли) наступивших событий к бытию, отношение к грядущему как к отсроченному настоящему разрабатывается как Еврипидом, так и другими трагиками. При этом сходные ходы мысли, содержащие своего рода отрицание времени, можно встретить у греков как на уровне обыденного²⁹ – будь то артистического или же житейского сознания, так и в многообразном философском освещении, к чему мы вернемся в следующем параграфе.

Возвращаясь к сцене Адмета с Гераклом, обратим внимание еще на одно обстоятельство: ст. 527 имеет, по-видимому, и второе,

самой Смерти. Кроме того, антагонисты обыгрывают различные оттенки значения μέλλειν: “Вот именно μέλλοντες, раз они оттягивают то, что давно с них причитается – лучше не скажешь”, – парирует бог смерти.

²⁹ В поэзии уже до Еврипида мотив этот встречается нередко. *Locus classicus*: Фетида заранее – притом буквально, слезами – оплакивает своего сына, зная, что Ахилл в принципе обречен (*Il.* I, 413–418; XVIII, 50 sqq.); *Aesch. Agam.* 264 sqq. (Wecklein) уже упоминался в прим. 19 (толкование в целом угадывается, хотя детали ненадежны); в 1298 sq. обсуждается, упраздняется ли время обреченностью; по Феогниду (*Theogn.* 1069 sq.), не покойников надо оплакивать, а юность, ибо ясно, что она проходит. Как видим, различные поэтические выражения той же идеи придуманы поэтами, а не сама идея, которую можно усмотреть во многих греческих предложениях. Таково, например, аристофаново обозначение живых как οἱ ἄνω νεκροί (*Ran.* 420); или более многозначительная, чем кажется на первый взгляд, поговорка: ὃς κλέπτει τὸ φόν, κλέψεται καὶ τὴν ὄρνιν; сюда же можно отнести просьбу Трипальхиона (*Cena Trim.* 71) *ut familia mea iam nunc sic me amet tamquam mortuum* и т. д.

рассчитанное на аудиторию, “ироническое” значение. Ведь для публики в отличие от Геракла очевидно, что ст. 527 выражает не только и не столько некую философскую смерть (будто бы живой еще) Алкестиды, сколько отчаянно смелое в сложившейся ситуации признание факта ее смерти. То, что это высказывание Адмета, с одной стороны, утверждает некое событие (смерть жены) как логическую необходимость и вместе содержит нечто, уводящее от понимания того, что событие это имело место, – это, конечно, триумф драматурга.

Правда мысли и правда факта в сцене мистификации разведены искуснейшим образом. Поэтому оценка ст. 525 и 527 как “слабого объяснения” (Dale ad loc.) обусловлена, пожалуй, недостаточным пониманием еврипидовой затеи – фрагментом из драмы познавательного процесса. Правда, что мы не имеем здесь дело ни с поэтическим проникновением в переживание смерти, ни с философским анализом бытия и времени (вроде ст. 145 с эмфатическим, ибо экзистенциальным εἰδέναι). Однако если смотреть на диалог как на высокоинтеллектуальную игру, разработкой поэта нельзя не восхищаться. Достигнуто почти невозможное. Перед лицом смерти зримой (признаки траура) и слышимой (самый голос Адмета полон слез, и Геракл, наверное, слышал это; ср. 826 сл.) герои оказываются всего лишь собеседниками, стоящими на различных философских позициях, о характере которых будет сказано ниже. Геракла с его здравым смыслом хозяину удалось увести от почти очевидного отождествления предмета траура с хозяйкой дома.

Впрочем, гость возвращается к своей бытовой тактике: методом исключения выяснить, кого же, раз не Алкестиду, с таким чувством готовятся хоронить в доме Адмета. Теперь ответы хозяина дома построены на амфиболиях в более легком жанре – на игре скорее с языком, чем с мыслью. При этом упор делается на такое расхожее явление, как многозначность слова: Да, умерла “жена”; ведь мы как раз “жену (у)поминали” (ст. 531): γυναικὸς ἀρτίως μεμνήμεθα.³⁰ Это означает: для Геракла – умерла женщина, о которой у нас и речь; для себя и публики – жена умерла, ведь разговор об Алкестиде. Теперь (ст. 532 сл.) Адмету нетрудно развить успех. Новая альтернатива

³⁰ Значения *meminisse* и *mentionem facere* у μεμνήσκω выделяют В. Диндорф у Эсхила и Эллендт у Софокла (s. v., resp.); представлены оба значения и у Еврипида: первое, например, в HF 1122, *Heracl.* 741 и др.; второе – *Hel.* 120, *Heracl.* 314 и др.

Геракла: чужая или родственница? – дает отменную возможность описать жену как “не-родственницу, важную, надо признаться, для дома”. А на вопрос (ст. 534): “А как эта ‘жена’ оказалась здесь?” – можно отвечать: “Сирота, безотцовщина”. Последнее подходит ко многим мужним женам и в особенности к Алкестиде как одной из Пелиад, потерявших отца при попытке омолодить его с помощью Медеи и живущей вдали от отеческого дома не только по причине замужества, но и потому, что когда-то пришлось бежать с родины.

Теперь не только отождествление недавно умершей женщины с Алкестидой преодолено без разительных нарушений истины со стороны несчастного вдовца; создано впечатление, что дом провожает лицо второстепенное (ср. 805 слл.).³¹ Правда, и это смущает Геракла, который готов уже искать себе другого приюта (ст. 536 слл.). На это следует использованное “иронически” и как бы тривиальное³² (в духе “все там будем”) τεθνᾶσι οἱ θανόντες: зритель слышит при этом еще раз прорвавшуюся, вопреки всему, скорбь Адмета, между тем как Геракл – всего лишь успокаивающее бытовое рече-

³¹ ὄθνεϊος (ant. ὀμόφυλος, ἐπιχώριος, συγγενής) ‘чужак’ означает *пришельца*, указывая на происхождение, между тем как θυράϊος (букв. ‘вышедший за дверь, внешний’; ant. ἔναυλος) обозначает *одного из домашних, находящегося* (еще или уже) *вне дома* или, в расширительном смысле, *того, кто к дому не принадлежит* (ant. οἰκεῖος). Каких-либо уничижительных социальных характеристик θυράϊος само по себе не несет, между тем как ὄθνεϊος содержит оттенок второразрядности (поучителен ст. 646, где этот оттенок выступает отчетливее). Описывая жену в ст. 533 как ‘важную для дома чужачку’, Адмет, возможно, следует в этом какой-нибудь старой загадке о том, что такое *жена*. Во всяком случае этот парафраз понятия ‘жена’ занимателен и по-своему точен. Позже Геракл пользуется ὄθνεϊα и θυράϊα promiscue в обобщенном смысле ‘не относящаяся к числу домочадцев’ (ср. 778, 810, 811, 828, 1014). Штайдле (W. Steidle. *Studien zum antiken Drama* [München 1968] 146) отчасти прав, когда говорит, что Геракл сам делает ложное умозаключение ὄθνεϊα = θυράϊα. В сущности оба понятия в разбираемой ситуации весьма близки, разве что с помощью θυράϊα нельзя загадывать жену (тем более когда тело ее дома), а через ὄθνεϊα это – cum grano salis – попробовать можно. Таким образом, переход от ὄθνεϊα к θυράϊα, Геракл заходит в ловушку, q. e. d. Что касается ст. 811, то вопреки чтению θυράϊος (Garzya за **BO**) и предложению Дэйл читать ὄθνεϊος, что поддерживает и Паркер, я предпочитаю читать с **VLP** οἰκεῖος (**VLPΣ^{by}**) – Слуга, наконец, выдает правду!

³² τεθνᾶσι οἱ θανόντες – пословицное речение, засвидетельствованное в пределах Еврипидова театра еще и в fr. 507 N², которое очевидным образом дальше отступает от предполагаемой расхожей формы, зато так, что смысл лапидарного разговорного варианта раскрывается вполне: τί τοὺς θανόντας οὐκ ἔως τεθνηκέναι / καὶ τὰκχυθέντα συλλέγεις ἀλήγηματα;

ние. После этого дорога в гостеприимный дом Адмета не закрыта перед Гераклом, как непременно получилось бы, узнай он о происшедшем (ст. 538, 803–831, 855, ср. 1039–1041); героическое и даже прямо трагическое гостеприимство восторжествовало. И хотя великодушный хозяин о таком не помышляет, именно подвиг дружества вернет к жизни его великодушную “чужачку”.

Предполагалось ли именно это в пророчестве Аполлона, которому гостеприимство Адмета хорошо известно, сказать трудно, но этого не стоит исключать. Добрые вдохновения людей у Еврипида нередко подаются как внушения божественной воли (*Ion* 41 sqq., 1326 sqq.), а волю Аполлона зрителю естественно помнить после пролога, где она вполне определенно была объявлена.

Не слишком ли наивным изображен Геракл, когда, видя своими глазами и слыша многое, что вело к правильному пониманию положения вещей, он дал увлечь себя на ложный след? Взгляду Геракла открывалась гротескная ситуация: дом Адмета в трауре по поводу будущей смерти хозяйки, которую загодя оплакивают навзрыд, а кроме того случилась сверх этого еще какая-то второстепенная смерть, почему-то пышно отмечаемая в доме. Впрочем, гротескность эта смягчена тем, что зрителю некогда об этом размышлять; кроме того, есть литературный мотив, делающий такое представление более естественным, чем может казаться на первый взгляд. Мы имеем в виду ст. 1017–1022, 1131–1132 Феогнидова сборника, которые были хорошо известны не только Еврипиду, но и публике. Не означает ли это, что Еврипид хочет изобразить несравненного героя некудышным мыслителем? Думается, что в такой форме на вопрос следует ответить отрицательно. Конечно, Геракл не герой ума, и в какой-то мере представление это, наверное, сказалось при создании настоящей сцены. Если бы Адмету приходилось переубеждать, например, Одиссея, то сцену, возможно, пришлось бы строить иначе. Некоторая типизация героя, необходимая для того, чтобы он был убедителен, наверное, имела здесь место.

И все-таки ошибки ума, недостаточность знания и ненадежность выводов, сделанных тем или иным персонажем, — для Еврипида ограниченности ума не знаменуют. Это ясно как из общих предпосылок Еврипидовой характерологии,³³ так и из дальнейшего хода пьесы.

³³ W. Zürcher. *Die Darstellung des Menschen im Drama des Euripides* (Basel 1947).

Особенно поучительно, что он сперва говорит (ст. 808) о лжи, а потом — о недомолвках Адмета (ст. 812, 832, 857, ср. 1038, который опирается на ст. 857), что гораздо тоньше, ибо выявляет роль умолчания герр. незнания при формировании заблуждений. Кроме того, не забудем, что Геракл исходит из естественной предпосылки: в день смерти близкого человека никто не станет скрывать этого ради того, чтобы принять гостя пышным застольем. Геракл заблуждается потому, что исходит из нормальных представлений о поступках и речах людей, между тем как изощренное поведение Адмета как раз исключительно. Кроме того, надо признать, что в сцене второй мистификации (ст. 1008 слл.) преимущество и (если уж пользоваться языком состязательности) интеллектуальное превосходство переходят на сторону Геракла — а все потому, что теперь Адмет исходит из общих предпосылок, а об обстоятельствах исключительных еще не знает. Еврипиду, как видим, в сценах такого рода³⁴ важнее эпистемологическая и ситуативная, чем индивидуально-психологическая сторона дела.

Сценой второй мистификации в “Алкестиде” мы еще займемся ниже, а пока остановимся на анализе философских и(ли) софистических предпосылок того примечательного интеллектуального трюка, который благодаря тонкому расчету привел от почти очевидной истины к разительному заблуждению.

§ 3. *Тезис* τέθνηκε ὁ μέλλων

Число философских мотивов в ст. 519–529 довольно велико. В ст. 521 очевидным образом использована диалектическая формулировка, к которой, как хорошо известно, был весьма привязан Еврипид. Очень близкий пример, кроме *Alc.* 141, — *Hel.* 138, где о Диоскурах сказано: τεθνᾶσι κοὺ τεθνᾶσι· δύο δ' ἐστὸν λόγῳ. Диалектическая формула — притом не вообще, а именно в утверждениях, связующих воедино жизнь и смерть, — представлена и в *Tro.* 1223, *Ion* 1444 (ср. *Aesch. Choe.* 504: οὐ τέθνηκας οὐδέ περ θανόν). Весьма знаменит фрагмент 638 N²: τίς δ' οἶδεν εἰ τὸ ζῆν μὲν ἐστὶ καταναεῖν, τὸ καταναεῖν δὲ ζῆν κάτω νομίζεται, угодивший в пародию Аристо-

³⁴ Давно замеченная параллель к поверхностно мотивированному появлению Геракла и тому, как его вводят в заблуждение, — Эгей из Еврипидовой “Меден”, также проходящий мимо задетого бедой дома Медеи в самый отчаянный для нее момент; Эгея, впрочем, обманывают отнюдь не из великодушия.

фана (*Dial.* 1082, 1477). Это касается единства противоположностей вообще, то высказываний, построенных на этом принципе, конечно, еще больше: *Alc.* 352 οὐκ ἔχων ἔχειν; *IT* 568 κοῦδαμοῦ καὶ παντοχοῦ; также *Med.* 1370 сл. и т. д. По-видимому, трагической дикции нравилась эта экзистенциальная таинственность на фоне нарушения логического принципа тождества.

Стилистический спектр высказываний “диалектического” типа был, впрочем, весьма широк – от народных загадок до высокой философии Гераклита Темного (22 В 32 DK, cf. В 51)³⁵ и антилогии еврипидова современника Протагора (80 А 1 р. 255, 7; В 5 DK). Приверженность Еврипида к антилогии вообще обыграна молодым еще Аристофаном в *Ach.* 395 слл., когда на вопрос ἔνδον ἔστ’ Εὐριπίδης; дают такой ответ: οὐκ ἔνδον ἔνδον ἐστίν, εἰ γνώμην ἔχεις. – Πῶς ἔνδον, εἴτ’ οὐκ ἔνδον; – Ὁρθῶς, ὦ γέρον.

Антилогия применительно к смерти и жизни была у греков вполне расхожей. Своеобразный философский мотив, который встречаем в первой сцене мистификации, касается то ли некоего вневременного бытия, то ли наоборот онтического времени, когда то, что непременно будет, следует, будто бы, считать уже наличествующим. Детерминированность снимает время.

В философии мотив причинной обусловленности последующих событий и безразличие времени как отсрочки перед этой обусловленностью разрабатывался разными школами в разных направлениях. Источником многих формулировок послужило речение Парменида (28 В 8, 5): ἐπεὶ νῦν ἐστὶν ὁμοῦ πᾶν. Аристипп предлагал сосредоточиться на настоящем, ибо оно одно – реальность; это μονόχρονον оказывается существенным для стойков, например, М. Ant. 2, 14; Платон, подчеркивая становление, напротив, как бы скрешивает бытие со време-

³⁵ Обыгрывание “диалектической формы” было освоено и народным творчеством. Так, фольклорную, по всей видимости, основу имеет загадка, ходившая под именем Παναρκῆς (*Anth. Lyr.* III, р. 264 Diehl): ... ἀνὴρ τε κοῦκ ἀνὴρ / ὄρνιθ’ ἰδὼν τε κοῦκ ἰδὼν etc. Ведь недаром Платон эти стишки называет τὸ τῶν παίδων αἰνίγμα и приводит “официальную” разгадку (*Plat. Resp.* V, 479 b–c), между тем как Платоновы схолии ad loc., используя паремнографический материал, собранный Клеархом (*Clearch. fr.* 94 Wehrli), приводят текст с вариациями. В той же поэтике выдержана концовка одного из стихотворений Феогнидова сборника (953 сл.): πρήξας δ’ οὐκ ἔπρηξα etc. Фигуру эту мы бы рассматривали как разновидность охумогона: часто прибегая к последнему в своих ῥημάτια и γνώμια, Еврипид любил придавать оксиморону “диалектический” вид, так что высказывание типа δέδορκας κοῦ βλέπεις (*Soph. OC* 413) легко приобретало у него форму: βλέπεις κοῦ βλέπεις, *Tro* 1223, *Ion* 1444 etc.; ср. пародии Аристофана *Ach.* 441; *Lys.* 840.

нем (например, *Theaet.* 152 e).³⁶ Технические философские идеи постепенно входят в более широкую философскую литературу и порождают высказывания вроде суждения Сенеки (*Dial.* 3, 3, 2): iniuriam qui facturus est, iam facit и т. п.³⁷

Это получалось особенно легко за счет того, что один из полюсов диалектического утверждения обосновывается фактом, а другой – фигурой мысли или речи. Особенно часто предвосхищение фатального следствия:³⁸ тот, кто (еще) жив, рассматривается как (уже) мертвый, поскольку он так или иначе обречен; гибель его – дело – всего лишь! – времени. О таких часто говорится, что их “уже нет”: *Alc.* 825, *Hipp.* 869 sq., *Hec.* 431 и др., что пародируется Аристофаном в *Ach.* 1184 sq. Бывало и обратное: умерший некоторым образом жив (*Aesch. Choe.* 502). Ведь названы же Аристофаном живые “верхними мертвецами” (*Ran.* 420: ἐν τοῖς ἄνω νεκροῖσιν), по-видимому потому, что будущее живущих покуда смертных не оставляет ни малейших сомнений. В том же русле представлений, стирающих значение времени, находятся высказывания Софокла в *El.* 1485–1486: τί γὰρ βροτῶν ἂν σὺν κακοῖς μεμυγμένων / θνήσκειν ὁ μέλλων τοῦ χρόνου κέρδος φέροι; или *Trach.* 952 (= 938 Schneidewin–Nauck): κοινὰ δ’ ἔχειν τε καὶ μέλλειν – сентенция, которую комментаторы Софокла издавна сопоставляли с *Alc.* 527.³⁹

³⁶ К идеям Парменида о времени см.: L. Taran. Perpetual Duration and Atemporal Eternity in Parmenides and Plato // *The Monist* 62 (1979) 123 ff.; по Платону и неоплатоникам: D. O’Brien. Temps et éternité dans la philosophie grecque // *Mythes et représentations du temps* (Paris 1985).

³⁷ Так же и в новое время Лейбниц говорит: “Le temps présent est grave de l’avenir”, а Д. Н. Мережковский рассуждает (Не мир, но меч // *ПСС X* [СПб. – М. 1911] 4): “Как я могу любить умершего или даже того, кто может умереть, должен умереть?”

³⁸ Были, конечно, и другие фигуральные утверждения о смерти заживо. Так, например, разрыв отношений можно выразить, заявив: “я для тебя умер” (*Alc.* 666 τέθνηκα γὰρ δὴ τοῦπί σε), *Hec.* 514, cf. *Soph. Phil.* 1030 τέθνηκα ὑμῖν βάλαι). Иногда фигуральность подобных утверждений о смерти более или менее выявлена. Так, *Hdt.* I, 124, 2: κατὰ μὲν γὰρ τὴν τούτου προθυμίην τέθνηκας, τὸ δὲ κατὰ θεοῦς τε καὶ ἐμὲ περίεις или *Hdt.* I, 38, 2 (Крез о своем немом сыне): τὸν γὰρ δὴ ἕτερον διεφθαρμένον οὐκ εἶναι μοι λογίζομαι. Также и духовная ущербность может дать повод говорить о живом как о мертвом (*Eur. fr.* 1028 N²): не узнавший муз с юности τὸν μέλλοντα (scil. χρόνον) τέθνηκε. Другие примеры – *Hipp.* 1162: Ἰππόλυτος οὐκέτ’ ἐστὶν ὡς ἔπος εἰπεῖν; *Ion* 1500, где ἐξ ἐμοῦ ... ἔθνησκες сказано в расчете на зрителя, который понимает, что вообще говоря, Ион жив, но κατὰ Κρέουσαν, в некотором роде, мертв.

³⁹ В комментарии *Sophoclis Tragoediae*, rec. et explan. E. Wunderus. Ed. 3 quam curavit N. Wecklein (Lipsiae 1890) ad *Trach.* 938 читаем: “Recte scholi-

Примечательна, конечно, и сценическая демонстрация того, как познающий субъект, не согласившись с обоснованием какого-либо положения, готов отказаться от вывода раньше, чем проверит, нет ли у последнего других, может быть, удовлетворительных оснований. Геракл действует по принципу выплескивания младенца с грязной водой. Мы имеем здесь дело с невыраженным в общем виде, но сценически представленным принципом достаточного основания.⁴⁰

Но это еще не все. Поучительно, что ведущий игру собеседник (в нашем случае Адмет) психологически пускает в дело этот принцип, провоцируя по своему изощренному плану дискуссии известный ему заранее тип заблуждения. Выдумывая свой софистический (психологически-когнитивный) эксперимент, Адмет (Еврипид), по-видимому, достаточно ясно сознает положение, согласно которому обман “совершается понемножку” (*γίνεται ἐν τῷ παρὰ μικρὸν* Aristot. *Analyt. Prior.* I, 33, 47 b 38).

§ 4. Вторая мистификация (*Alc.* 1008 sqq., 1085–1086)

В ответной мистификации Геракла обстановка внутренне светлее и во многих отношениях проще. Совершенное благородство обоих друзей, не говоря о возвращаемой к жизни Алкестиде, для всех (не считая ряда критиков новейшего времени) очевидно и проявляется все в новых деталях. Для тех, кто переносит на характер Адмета жесткие мотивы агона (острая дискуссия о готовности жертвовать и принимать жертву), лучшим наказанием является сугубая непривлекательность придуманной ими версии “Алкестиды”. В самом деле, если Адмет совершенный эгоист и предатель, то жертва Алкестиды теряет свое величие, а пьеса – очарование. Адмет не должен был принимать жертву жены? Но по этой логике жертва немыслима вообще. Между тем как будто даже преувеличенное гостеприимство Адмета (ст. 809) оказывается спасительным жестом в тайной механике судеб, которыми, следуя прологу, управляет Аполлон (ст. 65 сл.),⁴¹ расположенный к Адмету все из-

asta: ἴσον δὲ ἐστὶ τὸ ἔχειν κακὰ καὶ τὸ προσδοκᾶν ... Similiter dixit Euripides *Alc.* 527”.

⁴⁰ Основательный экскурс в историю вопроса о *достаточном основании* в философии древних делает Артур Шопенгауэр: A. Schopenhauer. *Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde* // A. Schopenhauer's *Sämtliche Werke* I, 2 (Leipzig 1891) 3–9.

⁴¹ Приход Геракла предельно своевременен, а мотивирован (отправка на очередной подвиг) без особенной старательности; это заставляет вспомнить

за того же самого гостеприимства, связующего и эту пару (ст. 6 сл.). Именно благодаря дружбе с Аполлоном и Гераклом, пусть неожиданно для Адмета, ему отвоюют его Алкестиду. Жертвенное гостеприимство Адмета спасает Алкестиду так же, как спасла мужа ее щедрая жертва – оба супруга, каждый на свой лад, являют человеколюбие высочайшей пробы и оба за это награждены.

Партия Геракла стоит теперь на том самом превосходстве, которое в прежнем его разговоре с Адметом было на стороне последнего – на действительном отсутствии ἄγνοια. Мягко упрекнув друга за сокрытие от него горестной правды, Геракл представляет свой бой со Смертью как “всечеловеческое состязание” (ст. 1025 слл.: ἄγων λάνδημος), а стоящую рядом Алкестиду как заслуженную в соревновании “награду” (νικητήριον);⁴² пусть женщина побудет пока в доме Адмета, а со временем Адмет, может быть, похвалит его (ст. 1036). Адмету должно казаться, будто друг намекает: со временем приведенная Гераклом женщина, глядишь, и понравится вдовцу (ἴσως αἰνέσεις). Между тем подразумеваемый Гераклом и прозрачный для публики смысл другой: когда поймешь, что это твоя Алкестиды, верно, меня похвалишь. Снова построенная на двусмысленности слова γυνή игра (ст. 1032, 1034: σοὶ μέλειν γυναῖκα χρῆ), с помощью которой Адмет, как помнят зрители, прежде ввел в заблуждение Геракла, теперь мучит спасенного женой, который, напрягая последние силы, держится правила ни в чем не отказывать (та-

о пророчестве Аполлона (ст. 65 сл.) – придет герой, который спасет Алкестиду. Иначе говоря, божество то ли направляет события, используя случайность, то ли направляет случайность, дающую направление событиям. Показателен ст. 788 сл. с очевидной на фоне ст. 65 слл. трагической иронией. В ст. 1070–1071 альтернатива: случай или божественное мироправление? – прямо предлагается зрителю на рассмотрение. Еврипид, кажется, представляет зрителю возможность принимать ту из версий этой “двойной истины”, какая ему ближе. О роли Аполлона и о Солнце в “Алкестиде” в сопоставлении с “Ионом” см.: Gavrilov (прим. 18) 45.

⁴² Так наз. папирусная ὑπόθεσις к “Алкестиде” (текст и сопоставление папирусной версии с византийской см.: W. Luppe. Die Hypothesis zu Euripides “Alkestis” und “Aiolos” // *Philologus* 126 [1982] 10–16) находит выражение волею ἄθλον, удачно вуалирующее подвиг Геракла в духе λάνδημος ἄγων как блестящего парафраза будь то для Геракловой борьбы, будь то и для отношения всякого человека со Смертью (ст. 1027); любопытно и указание на неких “устранителей” этого агона (Танатос). Остальные детали мистифицирующего рассказа ощутимо примитивнее. Что тонко в νικητήρια Геракла (ст. 1028), так это возможный намек на то, как Адмет когда-то получил Алкестиду как *награду*, сумев ввести в одну упряжку льва, вепря и волка.

кому) другу, каким и на деле оказывается Геракл. А потому Адмет умиленно молит о том, чтобы “жену,— если можно, конечно,— поддержал бы у себя кто другой” (ст. 1042 слл.).

Речь Адмета насыщена и другими “ироническими” высказываниями, вроде “мне, больному, не прибавляй *болезни*” (ст. 1047 слл.), что имеет два плана, поскольку Адмет под νόσος имеет в виду новые страдания, связанные с неожиданным появлением в доме женщины, а между тем зритель понимает, что νόσος страдающего Адмета — это сама Алкестида как средоточие его боли и что с возвращением ее νόσος как раз и упраздняется. Обыгрывается и сочетание νέα γυνή (ст. 1049 слл.), т. е. “новая жена”, она же “молодая (применительно к воскрешенной) жена”. Алкестида как бы раздваивается на мертвую, которую Адмет мыслит в ст. 1055 и 1060, и ту, которая, возвращаясь к жизни, теперь стоит с ним рядом.⁴³ Ввиду могучей силы человеческого “мнения” Адмет не верит собственным глазам и не способен признать, что глядя на свою жену, ее-то и видит (ст. 1065 слл. с примечательным αὐτήν). Завершается речь Адмета легкой амфиболией (ст. 1067 слл.), где πένθος употреблено, похоже, в духе νόσος из ст. 1047, а высказывание в целом напоминает амфиболию самого Адмета из ст. 531.

Продолжая свою игру, Геракл, подобно Адмету с его ἔστι в ст. 521, прибегает и к прямому искажению действительности: “эх, была бы у меня сила, уж я бы вернул тебе жену” (ст. 1072–1074), после чего следует реплика Адмета (ст. 1075), содержащая правильную, казалось бы, предпосылку “мертвые не возвращаются”, которую он сам с успехом использовал в ст. 541 “мертвые значит мертвые”, но которая тем не менее находится в разительном противоречии со сценической правдой. Это и есть πρῶτον ψεῦδος Адмета в сцене, где не он, а его мистифицируют; заблуждаться, по Еврипиду, не удел ограниченных индивидов, а всякого человека. На это следует утешение со стороны Геракла: вечные сетования человеку ни к чему. Знаю,— отвечает Адмет (ст. 1080), но “некое движение любви

⁴³ Ср. сдвоенность Ифигении и кумира Артемиды в *IT* (А. К. Гаврилов, Знаменья и действия — мантика в “Ифигении Таврической” Еврипида // *Philologia classica* 2 [1982] 92–96), а с другой стороны,— раздвоение Елены и особенно Менелая в “Елене” (А. К. Гаврилов, Характер пророчицы в “Елене” Еврипида // *Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран* [Ереван 1976] 82 сл.); о соединении Иона и Дора в ответе дельфийского оракула Ксуфу (*Ion* 537), см.: idem (прим. 18) 64–67.

владеет мною”; ἔρωσ τῆς для зрителя опять-таки значит больше, чем для говорящего, указывая на страстную тоску по жене (ср. 348 слл.), о чем всем теперь сладко слышать, и на трогательную развязку, совсем уже близкую.

Еврипид часто то вольно, то невольно готовит свои γυνήματα, предвосхищая и варьируя их. Как отмечалось выше, в некотором смысле ст. 521 и 527 предварены в ст. 141 сл. и ст. 50. Любопытен в этом отношении и ст. 381: χρόνος μάλαξει σ’ οὐδέν ἐσθ’ ὁ καθ’αυτὸν, который в последующем оказывается весьма значительным, ибо первой своей частью упреждает ст. 1086, а вторую — ст. 527.⁴⁴

По-видимому, довольно смелая для трагедии и не чуждая легкого эротизма линия разработана и в следующей реплике Геракла (ст. 1081): “поцеловать умершего нельзя без слез” (этим сразу обозначены и прощальное целование и поцелуй новой встречи).— Адмет (ст. 1082): “сгубила она меня, уж и не сказать, как”. Здесь двусмысленно лицо, стоящее за ἀπώλεσεν: конечно, это Алкестида, но мертвая или живая? Да и сама “погибель” должна, по-видимому, восприниматься с подсказки ст. 1066 слл. как сильное проявление чувств не только в смысле угрозы его жизни, но и как гипербола любовных чувствований.⁴⁵ Более безобидная двусмысленность в следующем замечании Геракла (ст. 1083): γυναικὸς ἐσθλῆς ἤμπλακες, что для Адмета значит: “вот уж отличную жену ты утратил”, а для публики сверх этого еще: “вот и ошибся ты насчет отличной твоей жены”, раз не узнаешь ее в стоящей рядом женщине (ср. ст. 241 сл. с близкой формулировкой), причем ἐσθλή имеет палитру от обобщенного ‘хороший’ до специфического ‘благородный’, что равно подходит к нашей Алкестиде.

§ 5. Философские источники диспута Адмета и Геракла

Рассмотрим действие Адметова софизма еще раз — теперь уже не столько в психологическом, сколько в логическом плане. С помощью выражения διπλοῦς μῦθος (ст. 519) и диалектического утверждения взаимоисключающих положений (ст. 521) вопрос о нынешнем состоянии Алкестиды перенесен в философско-софисти-

⁴⁴ Любопытны также строки 320 sqq., где мы склонны защищать τρίτη μῆνός как ироничный фразеологизм, вроде “после дождика в четверг”.

⁴⁵ Verba peregrandi находят себе широкое применение в сфере любовных чувств, как показывает, например, знаменитое стихотворение Сафо (²Hiller-Stia): τεθνάκην δ’ ὀλίγω.

ческий контекст, что оказывается решительно важно, потому что смерть героини, о которой Геракл не знает, и траур в доме, которому он свидетель, – правда факта – переведены Адметом в план мысли, так что происшедшие события могут показаться (и кажутся Гераклу) не реальными, а логическими или, как мы теперь говорим, виртуальными. То, что Адмет на этом пути решительно вступает в конфликт с *principium contradictionis*,⁴⁶ тут же, конечно, отмечено оппонентом и отклонено им в духе обыденного разума: утверждение, нарушающее названный логический принцип, характеризуется Гераклом как невразумительное (ст. 522). Неудивительно, что позже в ст. 528 Геракл сформулирует свое возражение более философски, настаивая на различии бытия и небытия, на что Адмет, призывая к терпимости в сфере мысли, ответит ссылкой на непродуктивность того, что мы назвали бы *Prinzipienstreit*. В обоих случаях – и нарушая принцип (не)противоречия, и отказываясь обсуждать этот принцип ближе – Еврипид, по всей видимости, использует некоторый умственный капитал, сообщая нажитый софистической братией в спорах с защитниками здравого смысла.

Вводя тезис *τέθνηχ' ὁ μέλλων*, Адмет выявляет (будто бы) причину, которая должна обуславливать (зримое) следствие: воспринимаемый едва ли не всеми чувствами траур в доме Адмета. Принцип достаточной причины и, шире, логической связности (причина полагает следствие, отсутствие следствия означает снятие причины)⁴⁷ опять используется софистически: отрицая принцип актуализации того, чему должно свершиться впоследствии, а значит, признавая предвосхищающий траур преждевременным (*προκλάειν* в ст. 526), Геракл отрицает, что Алкестида уже умерла, раз обречена умереть, но нечувствительно для самого себя признает, что именно эта спорная идея Адмета, а не что-нибудь другое (например, медицинский факт смерти Алкестиды) явилась причиной скорби в его доме. Выступая с точки зрения здравого смысла, развитого позже в систему обоснований и опровержений Аристотелем, Геракл допускает ошибки, запланированные Адметом. В самом деле, если Алкестида для Адмета умерла в некотором

отношении, а Геракл не согласен с соответствующим утверждением, это еще не означает, что не следует проверить, не умерла ли она в каком-нибудь еще отношении, например, физически. Ведь существенно различие суждений, сделанных *absolute* или *secundum quid*;⁴⁸ существенно и выяснение роли и места той или иной причины среди прочих, ибо это сопряжено с возможностью как ложных выводов, так и ложных опровержений.⁴⁹ Может даже показаться, что Адмет сознательно манипулирует косвенным доказательством. Когда Геракл придет к тому, что не способен признать, будто за обещанием умереть *eo ipso* наступает (квази)реальная смерть, он делает шаг к признанию того, будто хозяйка дома еще жива в настоящий момент. Так действует *principium exclusi tertii*, на котором он добросовестно настаивал.

Одно свидетельство Галена (*De placit. Hipp. et Plat.* IV, 7, p. 392 f. Müller = 59 A 33 DK) подталкивает к неожиданной комбинации. Слова Анаксагора об умершем сыне (или сыновьях), будто весть о смерти для него не новость, раз он знал, что родил смертного (*ἦδειν θνητὸν γεννήσας*), Гален связывает с Анаксагоровой психологической практикой, которую Посидоний называл *προεὐδημεῖν* “мысленно посещать будущее”. Смысл приема, по Галену: *προεὐδημεῖν τὸ πρᾶγμα παρὰ ἑαυτῷ τὸ μέλλον γενήσεσθαι καὶ ὡς πρὸς ἤδη γενόμενον ἐθισμὸν τινα ποιεῖσθαι κατὰ βραχύ*. Следуя Посидонию и Галену, Еврипид эту идею у Анаксагора взял и обработал ее в том пассаже (*Eur. fr.* 964 N²), который позже был переведен Цицероном (*Cic. Tusc.* 3, 14, 29, cf. *Terent. Phorm.* 241–246). Практика Анаксагора не совпадает с идеей “оплакивания заранее того, чего не миновать”; скорее *προεὐδημεῖν* – это принятие заранее толики грядущей скорби ради смягчения ее остроты в будущем; это предупреждение, а не упреждение боли, о котором говорит Адмет. Однако некоторый эксперимент с временем применительно к страданию налицо в обоих случаях.

⁴⁶ Aristot. *Sophist. Elench.* V, 167 a 3–13 (*παρὰ τὸ ἀπλῶς*, или *κυρίως*), т. е. ‘вообще’, ‘безусловно’ *versus* *παρὰ τὸ πῆ* (*μὴ ἀπλῶς*, или *μὴ κύριως*), т. е. ‘в отношении чего-то’, ‘небезусловно’; ср. XXV, 180 a–b. В русском переводе В. А. Фохта *Anal. Prior.* XXXIII, 47 b, отредактированном для нового издания (Аристотель. *Сочинения в четырех томах* II [М. 1978] 187), перевод рассуждения, завершающего главу § 3: “Ошибки из-за непонимания разницы между ‘присуще этому’ и ‘присуще всему этому’”, звучит так: “Эта ошибка проистекает, таким образом, из-за весьма незначительного различия, ибо мы не можем не согласиться, что утверждение ‘это присуще этому’ почти ничем не отличается от утверждения ‘это присуще всему этому’”. Ср. Aristot. *Sophist. Elench.* VII, 169 b 13–15.

⁴⁹ Места, где Аристотель говорит о причинах, см.: Н. Bonitz. *Index Aristotelicus* (1955 Berlin) 22 f.; ср. Aristot. *Analyt. Post.* A 2, 71 b 22 (о научном доказательстве).

⁴⁶ *Principium contradictionis* в формулировке Аристотеля (*Metaph.* 1011 b 21, cf. 1055 b 4): *ἀδύνατον καὶ τάναντία ὑπάρχειν ἄμα, ἀλλ' ἢ πῆ ἄμφω ἢ θάτερον μὲν πῆ, θάτερον δὲ ἀπλῶς*.

⁴⁷ Schopenhauer, *loc. laud.* (прим. 40); Th. Elsenhans. *Psychologie und Logik* (Leipzig 1907) 86.

К изобретательности Еврипида нужно отнести то, что софистическое построение наталкивается здесь на сопротивление, впрочем, то самое, которое заключает в себе пружину паралогизма, ведущего к (искомому) заблуждению. Играя в поддавки со здравым смыслом, агрессивная софистика жертвует и выигрывает.

Попутно, кроме причинности и логики вывода, в сцене мистификации можно усмотреть множество иных философских мотивов: бытие и становление; потенциальное и актуальное (не)бытие;⁵⁰ есть и медитация о времени, осложняющая линейное представление о настоящем и будущем, а если взглядеться получше в содержание τέθνηχ' ὁ μέλλων, в этой философеме может почудиться и некое предчувствие сформулированного Диодором Кроном более века спустя κυριεύων λόγος:⁵¹ если обещание Алкестиды истинно, то смерть не может не наступить. Другая возможность – метафизика причинности, λόγος σπερματικός, как последний определяется у Цицерона (Cic. Div. I, 128): *ut in seminibus vis est earum rerum quae ex eis progignuntur, sic in causis conditae sunt res futurae.*

Следует ли, однако, свести философические мотивы разобранного пассажа к определенным философским источникам со стороны афинского интеллектуала, заслужившего прозвище “философа на сцене” (ὁ σκηνικός φιλόσοφος Athen. 13, 561 a; Vitruv. 8, 1; Clem. Alex. Stromat. V, 70, 1)? Исследователи говорили об идеях Гераклита в формулировках Адмета (ст. 521, 529) и, напротив, о строгом разделении бытия и небытия в реплике Геракла (ст. 529). Означает ли это, что Геракл, как считал Хоммель, присоединяется к философии Парменида (28 В 8, 15: ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν κέκριται δ' οὖν ὡσπερ ἀνάγκη, cf. В 6, 1–2), между тем как Адмет – гераклитовец? Ведь и разобранный выше мотив уже-бытия того, что предопределено, тоже можно было бы кое-как увязать с высказыванием Парменида (В 8, 5 DK) νῦν ἔστιν ὁμοῦ πάν.

⁵⁰ Х. Майер (H. Maier. *Die Syllogistik des Aristoteles I* [Tübingen 1896] 330) указывает, между прочим, и на ложные умозаключения “от следствия” (Trugschlüsse aus dem Konsequens). Еврипид мог использовать и приемы Горгия, стремившегося показать как силу, так и нищету разума: I. Anastassiou. *Die Wahrscheinlichkeitsargumentation als Beweismethode bei Gorgias // Η αρχαία σοφιστική* (Αθήνα 1982) 242–250.

⁵¹ О κυριεύων λόγος см. обстоятельную работу: P. Berrettoni. *Il perfetto come segno: una considerazione meta-stoica // Αἰών* 11 (1989) 161–196.

На наш взгляд, это вряд ли оправдано. Прежде всего: названные идеи представлены в очень неопределенной форме, а найти их можно было в различных источниках. Например, “диалектическая” coincidentia oppositorum есть и в гиппократовом Корпусе (*De victu I, 51 πάντα ταῦτα καὶ οὐ ταῦτά*). Как гераклитовские идеи становятся повсюду в Греции популярными и входят в литературный обиход, можно видеть в шутках Эпихарма, несомненно чувствительного к блескам философской мысли. Поучительна в этом смысле приписываемая Эпихарму эпиграмма (*Anth. Lyr. I, XV Diehl*), где весьма живописно доказывается, что мертвый – бессмертный бог!

Тезис Хоммеля, распространяемый им на ход мысли в целом (диалектика Гераклита в конце, когда Геракл приводит благородную героиню живую, будто бы возобладала над монотонной парменидовщиной), не убедителен ни в каком отношении. Специфика онтологии Парменида не в том, что бытие и небытие различены, а в том, что небытию не присуще бытие. В результате бытие есть, а небытия нет (В 2; 6, 1 sq. DK). Если бы Еврипид действительно воспользовался этой философемой, он мог бы справиться с проблемой смерти Алкестиды без труда: Парменидова онтология позволяла бы ему утверждать, что Алкестиды жива, раз небытия нет вообще. Другое дело, что это выглядело бы как пародия и было бы комично, когда бы не было оскорбительно.

Между тем, чтобы возражать против провоцирующего диалектического утверждения взаимоисключающих положений, не надо метафизики Парменида. Так обычно поступают те, кто опирается на здравый смысл, для которого принцип tertium non datur (хотя бы и не вербализованный) несравненно ближе, чем диалектика, – это видно из альтернатив применительно к жизни и смерти героини: 80–81, 139 слл. и др. Поэт не думает о связности “философии” своих персонажей: в своем большом монологе (ст. 779 слл.) Геракл выскажет идеи, слегка напоминающие некоторые положения эпикурейцев *ante nomen*, решительно далекие от Парменида.

Памятуя об указании античной критики о философских интересах Еврипида, необходимо взглядеться получше в то, как именно используются в его театре философские положения. Решительным новшеством на театре философские мотивы не были. В комедии Эпихарма гораздо раньше и, судя по нашим источникам, прямее, чем у Еврипида, идеи, например, Гераклита и Парменида выступали

ли в остроумном противопоставлении.⁵² И это естественно: привлечение современной мысли к комедии с ее сочетанием грубо-телесного и скандально умного подходит больше, чем к трагедии, заданной мифом, осененной древностью, сосредоточенной на трудных положениях и тяжких страстях.

О философских мотивах в первой сцене Адмета и Геракла следует, нам кажется, говорить по-еврипидовски: они и присутствуют, и отсутствуют. Отсутствуют они потому, что слишком ясные намеки на определенные имена, философские сочинения и технически связанные идеи даже в такой светлой трагедии, как “Алкестиды”, были бы неуместны; перегружая текст разнородным материалом, они грозили бы нанести урон чувству, сопряженному с сюжетом о благородных супругах, каждый из них готов на (гендерно обусловленные) жертвы. Одновременно с этим философские мотивы присутствуют в разбираемой сцене в том смысле, что Еврипид несомненно следил за старыми и новыми дискуссиями философов, ценил тонкости, вырабатываемые отдельными направлениями мысли, и всегда готов был пустить в ход понравившийся ему философский мотив, подчиняя его, конечно, не требованиям систематической философии, а текущей драматургической задаче. Еврипид знал, разумеется, не только диалектику Гераклита, но и то, что Протагор в “Антилогиях” доказывал возможность двух противоположных высказываний о всякой вещи;⁵³ знал, что, следуя Пармениду, нет небытия, а по Горгию, – нет вообще ничего и т. п. В софистическом сочинении конца V в. Δισσοὶ λόγοι есть прямо разделы, которые собирают мотивы на темы, представленные в занимающей нас сцене Еврипида: ἀληθὲς καὶ ψεῦδος (1, 4); εἶναι καὶ μὴ εἶναι (2, 5, 5).⁵⁴ Еврипида занимает соотношение правды и δόξα, δοκεῖν – фи-

⁵² Фрагменты Эпихарма: CGF (Kaibel) fr. 88–90. Отношение Еврипида-драматурга к Эпихарму было бы важно знать ближе, в особенности, применительно к “Киклопу”, раз и Эпихарм обрабатывал этот сюжет; общим был и острый интерес обоих к философии, и стремление использовать ее для драматургии.

⁵³ Diog. Laert. IX, 51: πρῶτος ἔφη δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοις. Cf. Aristot. *Metaph.* Γ 5 1009 а 7. Интересные сопоставления Еврипидова театра с популярными в Афинах его времени мыслителями можно найти в труде: F. Solmsen. *Intellectual Experiments of the Greek Enlightenment* (Princeton 1975) 24–31.

⁵⁴ Ср. Lesky (прим. 3) 512 f. Очень полезна при анализе софизмов книжка: *Sokrates ist nicht Sokrates – Der Kampf mit dem gesunden Menschenverstand.*

лософский мотив Sein und Schein, на котором, как видно уже по Эсхилу, чуть ли не специализировалась аттическая трагедия.

Какова бы ни была жанровая природа “Алкестиды”, пьеса в целом – никак не аллегория конкретных философских систем, и даже отдельные ее моменты лишь украшены блестками из них. Важнее в плане философских источников Еврипида было, сверх чтения, его личное знакомство с обстановкой философских докладов и диспутов.⁵⁵ Ведь сообщают же наши источники, что первая лекция Протагора в Афинах происходила в доме Еврипида (Eurip. 15 Kovacs = Diog. Laert. 9, 54). Даже если было не так, поучительно, что в традиции о Еврипиде это казалось правдоподобным. И уж если Сократ, редко посещавший театры, всегда спешил на постановки Еврипида (Eurip. 18 Kovacs = Ael. V. H. 2, 13), то можно, почти не рискуя ошибиться, представить себе, как весной 438 г. тридцатилетний (приблизительно) Сократ наблюдает умственное состязание Адмета с Гераклом в “Алкестиде”.⁵⁶ Вообще говоря, нетрудно себе представить, что “поэма” вроде τέθνηκε ὁ μέλλων (или нечто позволявшее проиллюстрировать ту же идею) могла и прямо обсуждаться в Афинах в кругу философов, перед тем как попасть в театр Еврипида.

Применительно к первой мистификации “Алкестиды” и следует говорить о Еврипиде как оснащенном философскими сведениями драматурге и заинтересованном современнике софистов. Продемонстрированная софистами способность in utramque partem disputare, κρείττων и ἥττων λόγος с мыслимой превратной победой последнего, мощь искусной речи, которая может помочь худшему казаться лучшим – это риторическое искусство, которым владели и

Klassische Trug- und Fangschlüsse. Dargestellt und aufgelöst von H. Rüdiger (Zürich – München ²1978).

⁵⁵ М. Уэст говорит о трагиках и их интересе к философии (M. L. West. *Cosmology in Greek tragedians // Balkan and Asia Minor Studies VIII* [Tokyo 1982] 11): “They did not themselves influence the course of ... speculation. But they should not be neglected as part of its history”. Уэст не склонен преувеличивать связность философских идей даже у Еврипида, которому они небезразличны, и это справедливо.

⁵⁶ Мы уже отмечали, что со временем Адмет и мертвая Алкестиды превратились в дежурный пример логических упражнений, как мы случайно узнаем из Sext. Emp. *Adv. math.* 7, 182 sq. (ср. Sext. *Pyrrhon. Hypotyp.* I, 228). К сожалению, остается неясным, как именно была тематизирована эта многогранная ситуация. Секст Эмпирик привлекает для пояснения агностических идей вторую мистификацию из “Алкестиды” (*Alc.* 1006 sqq.), то улетающий призрак из “Елены” (*Hel.* 605 sqq.).

которое сделали модные современники Еврипида Протагора и Горгия. Эти достижения стали для Еврипида не только предметом любопытства, но и средством построения сюжета, словом – драматургическим элементом. Чего хочет Еврипид в этой сцене? Прежде всего того, чтобы гостеприимец Адмет не прибежал к грубой лжи, а обманывал бы, так сказать, по правилам искусства. Аристотель (*Poet.* 1460 a 26, 1454 d 30) сказал, что образчик того, как надо лгать, дан в Νίλτρο Гомера (*Od.* XIX, 171 sqq. и в особ. ст. 203: ἵσκε ψεύδεα πολλὰ λέγων ἐτύμοισιν ὄμοῖα). Обман Киклопа в “Одиссее” (IX, 409), который без снобизма повторен в Еврипидовой сатировой драме (*Cycl.* 672 sqq.), дает весьма совершенный пример того, как действие достигает результата, противоположного тому, какой ожидается: жертва зовет на помощь, а друзья, пришедшие помочь и способные это сделать, от крика ΟΥΤΙΣ με κτείνει (*Od.* IX, 408, ср. там же ст. 366–369) как раз поэтому уходят прочь успокоенные. Вопль о помощи вызывает отказ от помощи – это эффектно. При этом Одиссей обыгрывает всего одно слово, используя семантические и грамматические возможности греческого языка: личные имена на -ις, омонимию нарицательного имени и имени собственного; работает, наконец, и правило одного отрицания.⁵⁷ Еврипид, выступивший как подражатель этой сцены в “Киклопе”, в первой сцене мистификации “Алкестида” достигает сходного эффекта: видя траур в доме, гость решает, что в доме беды нет.

Мы почти наверное затронули в этом анализе большее число логических и философских мотивов, чем те, какие определенно сознавались Еврипидом, когда он писал разобранную выше сцену. Пьесы Еврипида в целом, как давно показали исследования, которые мы здесь имеем в виду, пересыпаны намеками на идеи греческих мыслителей – как старых, так и современных Еврипиду,⁵⁸ однако он при этом не может, даже если хотел бы, разбирать сколько-нибудь последовательно какую бы то ни было философскую проблему и высказать в трагедии что-либо определенное о том или ином мыслителе. Видно, что Еврипид опирается на софистов,⁵⁹ однако и

в этом случае драматург использует отдельные идеи так, как ему показалось удобным в его литературных целях. Однако ни Тисия и Коракса с их эристической риторикой, ни Зенона с доказательством того, что двойное время равно половинному,⁶⁰ ни Протагора и Горгия с их конкретными релятивистскими идеями в анализируемой сценке нет, как не было отчетливой аллюзии на Парменида.

Так отражена ли история греческой мысли в разобранной сцене “Алкестида”? Блестящий трюк Адмета полон намеков на исторически складывавшийся философский язык и еще более на стиль философских, в частности софистических или, со временем, “сократических” бесед.⁶¹ В разобранном отрывке перед нами театральный отклик на расцветшую со времен Анаксагора, Гиппона, Диогена Аполлониата деятельность философов в Афинах, как и на славу странствующих софистов.⁶² Существеннее, впрочем, другое. Обстановка отвлеченной и аргументированной беседы, приемы эристики вряд ли могли быть правильно восприняты зрителями, если бы ни Еврипид, ни та часть публики, к которой он прежде всего обращался, не наблюдали хоть иногда философские диспуты, происходившие в Афинах – публично или в частных собраниях. Обстановку таких диспутов хорошо знают читатели сократических диалогов Платона, воображаемое время действия которых часто весьма близко ко времени постановки “Алкестида” (напр., когда молодой еще Сократ будто бы беседует со стариком Парменидом в диалоге, носящем имя последнего, чего на деле, как считают, не могло быть⁶³). Перед нами, таким образом, инсценировка воображаемого философского диспута в Афинах ок. 440 г. до н. э., который ощутимо старше платоновских.

связи с общей политической и культурной историей Греции. Критическое исследование (М. 1888).

⁶⁰ Софизм “стадион” *Arist. Phys. Z IX, 239 b 33 sqq.*; Rüdiger (прим. 54) 30 f.

⁶¹ Сближение (не смешение!) понятий “софистический” и “сократический” представляется нам скорее плодотворным, чем кощунственным; обоснованность такого подхода, как мне напоминает С. А. Тахтаджян, защищает Дж. Керферд, см: G. V. Kerferd. *The Sophistic Movement* (Cambridge 1981) 55–57.

⁶² Занятно – хоть наверное и случайно, – что и Геракл оказывается в доме Адмета по дороге, чтобы выразить разные общие воззрения о сущности жизни в беседах с местными людьми.

⁶³ W. Nestle. *Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens* (Stuttgart 21941 anast. 1975) 189.

⁵⁷ Gavrilov (прим. 18) 65.

⁵⁸ W. Kullmann. Euripides' Verhältnis zur Philosophie // *Literatur und Philosophie der Antike*. Hrsg. von H. Koskeniemi, S. Jäkel, V. Pyykkö (Turku 1986) 35–49 (с лит.).

⁵⁹ Литература о софистах обширна, но не стоит пренебрегать и старой работой: А. Н. Гиляров. *Греческие софисты. Мировоззрение и деятельность и*

Учитывая, что Еврипид должен был созреть как мыслитель в 50–40 гг. V в., думается, что сцена Адмета с Гераклом в пьесе 438 г. невзначай передает *атмосферу* интеллектуального общения в середине V в.,⁶⁴ т. е. задолго до времени работы Платона над сценами своих диалогов. Свидетельство “Алкестида” в отношении истории греческой мысли благодаря этому особенно ценно, но не столько в деталях (к нему ведь не следует, конечно, подходить с меркой веристического искусства XIX в.), сколько в целом.

Первая мистификация в “Алкестиде” — не спорный текст с натянутыми аргументами, как иногда пишут, а замечательный случай ощутить аромат великой эпохи Афин, наблюдая ту важность, которую драматург и его публика уделяют рассмотрению когнитивных процессов и перипетиям эпистемологической драмы, героями которой выступают не Геракл и Адмет, а εἰκός и ἀλήθεια. Перед нами не надуманное доказательство, а демонстрация логической природы доказательства (или, соответственно, псевдо-доказательства); поэт не убеждает, а показывает, как с помощью софизма производится паралогизм, как можно словом управлять умами, даже и тогда, когда те не желают подпадать чужому влиянию. Пассаж ст. 509–530, построенный на единой софистической стратегеме, в момент, решительно важный для действия, — это *tour de force* драматургической техники, шедевр специфически еврипидовского мастерства, использующий увлечение современников-афинян философствованием и острый интерес известной части публики к проблемам человеческого познания. Ведь именно последний нашел себе выражение весной 438 г. при инсценировке философского (псевдо-)диспута в разобранной сцене “Алкестида”, *наглядно* демонстрирующей, что такое изощренность мысли и какова власть слова над умами и поступками людей: λόγος δυνάστης μέγας (Gorg. 82 B 11 [Hel.], 8 DK).⁶⁵

⁶⁴ Сократическая школа гротескно представлена в 20-е годы в “Облаках” Аристофана, хотя комедия непременно должна, нам кажется, содержать историческое зерно; см.: А. К. Гаврилов. Ученая община сократиков в “Облаках” Аристофана // *Некоторые проблемы истории античной науки*. (Л. 1989) 62–77. В “Облаках” мы видим насмешливое изображение философов, какими они представлялись в 20-е годы V в. до н. э.; почтенный возраст Еврипидовой “Алкестида” дает счастливую возможность для изучения ранней истории афинских философских диспутов.

⁶⁵ Основные идеи этой работы выработаны в начале 80 гг., когда были прочитаны доклады на эту тему в Москве в семинаре Совета по истории мировой культуры и на кафедре классической филологии СПбГУ (тогда

Применительно к философской традиции дело, таким образом, не в тех вкраплениях метафизики и онтологии из классиков греческой мысли, которые были уже расхожими, а во внимании к законам ума и приемам психагогии, к логике и анализу познавательных процессов, — к тому, что столетием позже получило описание в логических сочинениях Аристотеля.

А. К. Гаврилов

*Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
Bibliotheca Classica Petropolitana*

Die beiden Szenen, in denen erst Admet Herakles (509 sqq.) und dann Herakles Admet über die wahre Situation täuschen (1018 sqq.), enthalten wegen der Nähe des Todes Gedanken über das Sein und die Zeit. In der ersten Täuschungsszene möchte Admet sein extremes Leid einerseits vor dem Gastfreund verbergen, andererseits wäre es jedoch ein Sakrileg, das Gedenken an die edle Frau durch eine lebensfrohe Lüge zu beleidigen. Dabei ist Herakles zwar unwissend, aber nicht völlig, da die äußeren Zeichen der Trauer im Hause Admets offenkundig sind und vom Hausherrn bestätigt werden (V. 513). Das gibt dem Dichter die Möglichkeit, seine Virtuosität zu beweisen und dem Publikum das menschliche Verfallensein an die δόξα vor Augen zu führen. Der Verf. verfolgt Vers für Vers (öfter mit textkritischer Diskussion) die Technik der *suggestio falsi*, die mit einer dialektischen Formel im V. 519 / 521 eingeführt wird, wo ἔσται sich nicht auf den toten Körper oder auf eine Art von Quasi-Dasein nach dem Tode beziehen kann, also einfach Lüge ist, welche jedoch von dem unverhüllten οὐκ ἔσται gänzlich überschattet wird. Es folgt eine philosophisch anmutende These, nach der eine zwingend verursachte Konsequenz schon vor ihrem Eintreten gilt. Als Herakles daraufhin erklärt, man dürfe das traurige Ereignis nicht beklagen, bevor es eingetreten sei (προκλαίειν, V. 526), verunklart Admet die Tatsache des Todes seiner Frau mit einem Philosophem (V. 527) so stark, daß es in der Folge ein Leichtes für ihn ist, zu verhindern, daß der nachfragende Freund die Wahrheit begreift.

Was die Quellen der angesprochenen bzw. vorausgesetzten philosophischen Ideen angeht, so findet der Verf. die alte Meinung nicht zufriedenstellend, Admet sei Herakliteer (V. 519), während Herakles, der Sein und Nicht-Sein streng

ЛГУ); основные положения в краткой форме опубликованы в сборнике тезисов исторического факультета СПбГУ: ‘Алкестиды’ Еврипида и афинские интеллектуалы середины V в. до н. э. // *Тезисы межвузовской конференции СПбГУ* (1995) 25–28.

scheidet (V. 528), die Position des Parmenides vertrete. Sowohl die Rede, in der Herakles einige Sätze ausspricht, die epikureische Gedanken vorweg zu nehmen scheinen (V. 779 ff.), wie sein Triumph am Ende des Stücks scheinen diese Annahme *ad absurdum* zu führen. Euripides evoziert keine philosophischen Lehrsätze wie das 'Nur-Dasein' des Parmenides (28 B 8, 13; 5 DK) oder ein Zeit-Paradox Zenons (Aristot. *Phys. Z* 239 b 33), oder das anaxagorische *παρενδημειν* (59 A 33 DK) vel sim. Mit größerem Recht könnte man hier von der Nachbildung der Atmosphäre philosophischer Disputationen sprechen, wie sie seit der Mitte des 5. Jhd. immer intensiver in Athen geführt wurden, und vor allem an die Antilogien im Geiste des Protagoras oder an den sophistischen Kampf gegen den "gesunden Menschenverstand" denken. Der Autor der *Alkestis* wurde von den Denkern beeinflusst, die sich (wie Korax und Teisias oder Gorgias) mit den Künsten der Dialektik und den Effekten der Rhetorik befassten. Indem Euripides von sophistischen Fangschlüssen Gebrauch macht, nimmt er in gewisser Weise den Geist des aristotelischen *Organon* vorweg. Die Mystifikationen der *Alkestis* zeigen, daß die Mechanik der Fang- bzw. Fehlschlüsse, die es erlauben, das Verhalten der Mitmenschen mit der Macht des Scheins zu manipulieren, Euripides in allem Ernst beschäftigt hat, da er nicht nur sophistische Freude an Paralogismen, sondern auch den Mut, diese philosophisch zu analysieren an den Tag legt.

THE AMBIGUOUS WORLDS OF PLATONISM

Much has been written about Plato's attitudes towards the 'world of perceptible phenomena'. This is often equated with the 'world of becoming' and contrasted with the 'world of being', the 'intelligible world' or the 'world of intelligible reality'. Plato is thereby held to be committed to a two-world ontology, and of the two worlds, only the intelligible one can be properly known, while the world of perceptible phenomena is more or less unstable, subject to change, cognitively unreliable, the object of, at best, true opinion. Thus to quote just one prominent commentator, Guthrie wrote: "only of being can there be certain knowledge: of the natural world, as a world of becoming, we can only have belief",¹ and again, a propos of the *Philebus*, "Plato's two-world scheme, of Being and Becoming, is basically unchanged".²

There are, of course, many texts that can be cited in support of such views: I shall be reviewing some of them in due course. However, quite what position is being ascribed to Plato in this talk of a contrast between two worlds, and quite what position *should* be ascribed to him on the basis of the texts so cited, are not as clear as seems sometimes to be assumed. It is my aim, in this paper, to explore some of the ambiguities in these issues.

Let me begin with the contrast between the perceptible and the intelligible, between *αἰσθητὰ* and *νοητὰ*. Following a distinction much used in the secondary literature,³ we may note that this contrast can be used or read in at least two fundamentally different ways, depending on whether it is taken as a contrast between tokens and types (I shall call this option 1) or between two different kinds of types (option 2). In option 1, the contrast could be exemplified by that between some red object (a particular, a token) and redness (the type), or again between this (token) beautiful object and beauty itself (the

¹ W. K. C. Guthrie, *A History of Greek Philosophy. V. The Later Plato and the Academy* (Cambridge 1978) 251. From the vast secondary literature on these topics I shall here cite only a few of what I take to be the most influential studies.

² Guthrie (n. 1) 237.

³ See for example J. Gosling, "Republic Book V: τὰ πολλὰ καλὰ etc.", *Phronesis* 5 (1960) 116–128; A. Nehamas, "Plato on the Imperfection of the Sensible World", *American Philosophical Quarterly* 12 (1975) 105–17; T. H. Irwin, "Plato's Heracliteanism", *Philosophical Quarterly* 27 (1977) 1–13; M. M. McKenzie, *Plato's Individuals* (Princeton 1994).